

Платов Антон

Замок в ничейных землях

Антон Платов

ЗАМОК

В НИЧЕЙНЫХ ЗЕМЛЯХ

Глава 1. Большая Дорога

Глава 2. Черный Шут

Глава 3. Совет Гюндебальда

Глава 4. Красный Рыцарь

Глава 5. Страшная Часовня

Глава 6. Ничейные Земли

Глава 7. Потаенный Замок

Эпилог

Глава 1. Большая Дорога

Осень только еще начиналась.

После ленивого обложного дождя днем вечер оказался неожиданно тихим и солнечным, каким-то по-осеннему чистым. Густой предзакатный свет заливал лес на противоположном берегу реки, и на фоне зеленой еще листвы большинства деревьев багровели кусты бересклета и светились мягким золотом кроны лип. Тень большого граба, под которым я сидел, перегораживала реку поперек; за пределами этой тени солнце просвечивало воду до самого дна, и было видно, как чуть колышутся прилепившиеся к валунам зеленые бороды водорослей. Почему-то перед закатом почти всегда смолкают птицы; и сейчас лишь вода тихо-тихо звенела по камням...

Да, осень только еще начиналась, но лето - лето уже кончилось, и это означало, что до холодов и снега я никак не успею добраться до Лотабери, посетить Бастиана Лотаберийского и вернуться домой. Путь оказался дольше, чем рассчитал отец, и виноват в этом один я. Наверное, меня можно понять, но простить - вряд ли. По крайней мере, в глазах отца мои объяснения лишь увеличили бы мою вину: сам он всегда думал сначала об интересах клана, и лишь потом - о себе. Он и меня научил думать так же, но, увы, только думать, а не поступать...

Конечно, я не должен был задерживаться из-за всяких пустяков (так сказал бы отец), но сыну вождя клана не так уж часто доводится встретить человека, который мог бы стать его настоящим другом: слишком велика разница между наследником клана и всеми остальными, даже когда "остальные" и не спешат при встрече стянуть с головы берет...

...Ярран лежал у меня на коленях, освобожденный от ножен, - меч, уведший меня в этот путь. Матово поблескивала сталь, древняя у рукояти и совсем юная у острия; змеился по клинку едва видный узор харалужной "витой" ковки. Бронза прямой гарды, отполированная до блеска оружейниками клана, успела уже потускнеть, и только серебряная обмотка рукояти по-прежнему посверкивала на солнце тонкой сканью.

Я нашел этот меч полтора года тому назад, ранней весной своего двадцатилетия, пробираясь по скованному еще льдом Нидамскому болоту. Тогда я впервые ощутил... Я до сих пор не придумал этому названия, и потому скажу так: тогда я впервые ощутил это. Гораздо позднее я нашел описание чего-то похожего в одной из старых книг у нас в замке; там это называлось Силой. Но по-моему, это вовсе не сила, это - просто когда начинаешь чувствовать вдруг что-то одно - правильным, верным, а что-то другое - нет.

Впрочем, может быть, Сила и правда подходящее определение: мне кажется, это действительно помогает делать первое и мешает делать второе...

Тогда я ощутил это, стоя по колено в мокром, подтаявшем уже снегу и раздумывая, не пора ли сворачивать к востоку, чтобы обойти стороной теплое, замерзающее лишь в самые ярые морозы, сердце Нидама - унылую, непроходимую ни зимой, ни летом топь.

И я еще размышлял, достаточно ли прошел на юг, когда уже понял, что путь мой лежит сейчас к невысокому холму, видневшемуся на западе меж голых черных стволов деревьев. Мог ли я тогда не послушаться этого ощущения и уйти своей дорогой? Конечно. Но... уйти можно было только как бы исподтишка, "бочком", что ли, - немного похоже на то, как в детстве воруюшь на замковой кухне липкие мягкие кубики кленового сахара, и ощущение, что поступаешь неправильно, неверно, убивает даже радость от сладкого...

И я пошел к тому холму, и поднялся на его плоскую вершину, и там, полускрытую снегом и жухлой прошлогодней травой, увидел рукоять меча. Меч, словно из камня, торчал из какого-то кома смерзшейся земли, травяного сора и снега; стащив зачем-то перчатку, я взялся за рукоять и потянул. Меч вышел из земли, не встречая никакого сопротивления. И он был сломан неровным щербатым сколом обрывался клинок в пяди от гарды. Я даже не стал проверять - я знал уже, что обломка клинка нет ни на этом холме, ни вообще в Нидамских топях: он остался где-то очень далеко, на том поле боя, откуда принесли сюда обломок с рукоятью, чтобы предать его земле на болотах Нидама.

Бронзовая гарда была изрядно порчена временем и покрыта зеленью; сканая серебряная проволока, стягивавшая рукоять, лопнула в нескольких местах; но сам клинок оставался чист, и лишь несколько маленьких пятнышек ржи было на нем - да и те исчезли, когда я протер клинок о полу плаща. Это была удивительная древняя сталь, темная, с едва заметным голубоватым отливом, покрытая затейливыми узорными разводами - харалужная сталь, которую на далеком Востоке, как говорят, называют "пулат".

Я сразу полюбил этот древний меч и принес его с собой в замок. Отец, которому я показал свою находку, долго рассматривал клинок, но в конце концов пожал плечами - он не видел в обломке никакой ценности. Я показывал обломок лучшим оружейникам клана, и те спорили о его возрасте и том, как мастер древности сумел защитить сталь от ржавчины. Одни вспоминали старый способ получения лучшей стали, когда закапывали откованную крицу на десятилетия в землю, потом доставали и заново перековывали то, выстояло перед ржавчиной, снова закапывали и снова ковали, пока не получали металл, которому почти не было цены. Другие говорили, что для этого клинка использовали железо, упавшее с неба, прошедшее сквозь звездный огонь и потому неподвластное рже... Это мне понравилось, и я уже тогда про себя дал этому мечу имя Ярран - "Звездный Огонь".

А потом Конн, самый старый из наших оружейников, долго баюкавший в руках мой Ярран, сказал вдруг, что может снова сделать меч целым. Мало кто удивился - Конн знал многие древние секреты харалужной стали. Он честно сказал, что его харалуга будет хуже этой, древней, но лучшей из всего, что он когда-нибудь делал. "Новый клинок приживется к старому, - сказал он, потому что у меня тоже есть частица железа, капнувшего со звезд, и для твоего меча, наследник клана, я отдам ее." И никто тогда - даже зеленые подмастерья - не попросили у него показать это железо. Настоящие Мастера не доверяют чужим глазам...

И Конн перековал древний меч.

Возрожденный Ярран был нешироким и не очень длинным, и довольно легким - пять фунтов. Не было на нем границы между старой и новой сталью, клинок лишь немного светлел к острию и темнел к рукояти.

Снова блестела свежей бронзой прямая гарда, и рукоять вновь была обмотана витым

серебром.

И я поклонился Конну, принимая меч из его рук.

А старый мастер умер, словно бы закончив все свои дела на земле, летом того же года. И Ярран был последним его мечом...

...Рату, колдун моего отца, говорил следующей весной, что именно находка древнего меча - причина всего того странного, что было потом. Но я думаю, он не прав, - появление Яррана было просто первым из тех событий. Впрочем, не знаю.

Еще был жив старый Конн, когда в селениях клана стало твориться необычное: кто-то видел призраков, появляющихся с Нидамских трясин, кто-то говорил о собаках Аннуна, выходящих из-под земли - огромных гончих с шкурой цвета первого чистого снега и огненно-алыми ушами... Отец волновался, он не любил таких вещей. А летом мной самим вдруг овладело странное нетерпение, похожее на зов в дорогу, на стремление отправиться в путь; нетерпение, в котором смешивались непонятная печаль и ожидание чего-то неизвестного. Кажется, я мучился слишком явно, и отец, конечно, заметил это - он всегда прекрасно чувствовал людей. Когда он спросил меня прямо, я ничего не смог объяснить ему, только вдруг, ни с того, ни с сего, посоветовал ему ждать нападения со стороны западных кланов. То есть "вдруг" - это было для него, а я тогда снова ощутил это, и понял, что быть войне. Отец покачал головой и оставил меня.

Война действительно случилась - осенью, когда был уже собран урожай, и это была первая большая война в моей жизни. Я был тогда ранен, но не серьезно. Мы отогнали западных на их земли, и тогда отец спросил меня, откуда я узнал о войне еще летом. И снова я ничего не смог ему объяснить.

А когда выпал первый снег, над замком явилась Дикая Охота - ее видели все. Десятка два всадников пронеслись над башнями, и копыта их огромных коней выбивали искры из самого воздуха. Белоснежные псы с алыми ушами неслись по сторонам от них, и сам Владыка Павших верхом на диком восьминогом коне скакал во главе Охоты, и рога украшали его шлем, и глаза пылали огнем сквозь прорези лицевой пластины...

И тогда отец испугался. Конечно, не за себя - за клан. Он верил во Владыку Павших и, как и все мы, почитал Его старшим среди богов, но вовсе не хотел встречаться с Ним раньше времени. На совете зимнего солнцеворота отец спросил старейшин семей, что означает все то, что происходит. Колдун Рату сказал тогда, что Владыка чувствует возрождение меча, выкованного в древности Его Силой. Еще Рату сказал, что это не обязательно плохо, а скорее даже хорошо, просто надо знать, что с этим делать: может быть, надо освятить меч, или устроить в Его честь праздник, или, быть может, что-то еще... "Ты знаешь?" - спросил отец. "Нет, - ответил Рату. - Я не знаю. Я всего лишь твой колдун, но не знаю высокой магии."

На том совете и было названо имя Бастиана Лотаберийского, великого мага и книжника, обретавшегося где-то к югу от великой реки Аверн, за Страной Лета. А весной, когда из вод озера Ванвах поднялась Дева Глубин и пророчила оказавшемуся на берегу крестьянину из нашего клана, отец и Рату решили отправить меня за советом к Бастиану в Лотабери. Отец не спрашивал, хочу ли я совершить эту поездку, а когда мы расставались в конце июня, проводил меня такими словами: "Помни, Арадар, ты должен вернуться живым, и вернуться как можно скорее: клану нужен совет Бастиана и клану нужен ты". Я долго гадал потом, помнил ли отец, говоря эти слова, что я его сын, или он думал только о том, что клан без наследника - это слабый клан?..

К началу августа я забрался довольно далеко на юг, а потом потерял коня и подверг опасности обе ценности, о которых говорил отец: и совет Бастиана Лотаберийского, еще не полученный мною, и жизнь наследника клана.

И, наверное, можно понять меня, но оправдать - нельзя.

Дэн, Дэни... Я встретил его на большой дороге дерущимся в одиночку против троих устрашающего вида бродяг... Впрочем, это было потом, а сначала я встретил Логи, Черного Рыцаря.

Он был верхом на крупном каурой масти коне, в тяжелой боевой кольчуге и кольчужном же капюшоне, без шлема; его плечи и круп коня покрывал, несмотря на летнее тепло, широкий черный плащ. Такой же - весь черный щит висел за его спиной. Мы встретились на лесной тропе, по которой я срезал широкую петлю дороги. Придерживая своего коня, чтобы спокойно разъехаться, я приветствовал рыцаря: мы были ровней, хотя я и странствовал без доспехов - таскать на себе пуд боевого железа, просто путешествуя к ученому мужу в далекую страну, не принято в наших землях. Впрочем, возможно, что по местному счету титулов я и превосходил его благородством крови, кто знает.

Он натянул поводья, останавливая своего коня, и долго посмотрел мне в глаза, прежде чем произнести приветствие. Я тоже остановился, с удивлением разглядывая его лицо.

Оно усмехалось. Оно усмехалось все целиком: глаза, губы, морщинки на лбу - каждая черточка его лица светилась злым весельем. Я почти вздрогнул - это было лицо шута, а не рыцаря. Злого шута.

- Мое имя - Логи из Свартбери, но многие знают меня просто как Черного Рыцаря, - сказал он. - А ты, сэр рыцарь, кто ты таков?

- Арадар из Каэр-на-Вран, - отвечал я без всякого на то желания.

Черный Рыцарь кивнул.

- Ты выглядишь чужестранцем, сэр Арадар, да и название твоих земель звучит непривычно для моего слуха. Скажи, куда держишь ты путь по тропе среди темного леса?

- Далеко на юг, сэр Логи, за Аверн. Я ищу Бастиана Лотаберийского, чтобы просить у него совета и помощи в одном деле. Скажи, не слышал ли ты о том, где сейчас пребывает этот мудрый человек?

Он удивленно поднял брови, не преминув усмехнуться - очень тонко, не переходя грань явной насмешки.

- Да, Лотабери - это действительно далеко. И я давно ничего не слышал о Бастиане, хотя, конечно, знаю это имя. Впрочем, это неважно - все равно никто не сможет сказать, куда, когда и надолго ли отправится этот человек.

Я кивнул и тронул поводья, давая понять, что продолжать беседу у меня нет желания. Логи заметил мое движение и заставил своего коня посторониться, чтобы дать мне проехать.

- Прости, если я покажусь тебе навязчивым, сэр Арадар. Но не откажешься ли ты принять несколько советов от рыцаря, что вдвое старше тебя и лучше знает места, по которым лежит твой путь?

- Охотно приму, сэр Логи, и буду тебе благодарен, - ответил я.

- Прекрасно, друг мой. Так вот, первый совет. Большая Дорога (он произнес это именно так - Большая Дорога) - странная штука. Не отказывайся от того, что встретишь на ней. Совет второй: если сложится так, что ты не найдешь Бастиана Лотаберийского, посети город короля Этельберта - там живет белый маг Гюндевальд. Быть может, он и не так знаменит, как Бастиан, но, думаю, тоже сможет оказать тебе помощь в твоём деле.

- Благодарю, сэр Логи, - сказал я, полагая, что он закончил свою речь.

Мы разъехались, и тогда рыцарь, оказавшись уже почти у меня за спиной, вдруг продолжил:

- И еще один совет - последний. Никому не верь на своем пути, сэр Арадар из Каэр-на-Вран, - он вдруг расхохотался и пустил коня вскачь.

И я собрался было пожать плечами и забыть его странные советы, но это вдруг снова посетило меня, и я понял, что чувствую в его советах Силу...

И через день я уже последовал первому из советов Логи, Черного Рыцаря.

...Все случилось внезапно и быстро закончилось. Я следовал тракту, большой дороге - она делала крутой поворот в том месте, огибая склон высокого холма. Еще шагов за сто я услышал дальний звон клинков, а за поворотом открылась мне следующая картина: трое нападали на четвертого, прижавшегося спиной к дереву у обочины. Мне показалось сначала, что это мальчишка - у него был тонкий стан и чистое лицо, лишенное бороды. Я толчком выдавил из груди глухое боевое "Хэй!", помогающее собрать силы перед дракой, и пустил коня в галоп, осадив его только перед этими людьми.

Трое верзил опустили мечи и чуть отступили от защищавшегося, встав, однако, таким образом, чтобы тому нельзя было удрать. Теперь я разглядел его лучше - нет, это был не мальчишка, но почти мой ровесник, быть может, года на два или на три моложе. У него было усталое лицо, которого уже коснулось отчаяние, - это от отца досталась мне способность читать людей по их лицам. Но сейчас на лице юноши появилась еще и надежда...

- Эй, странник, большая дорога - место, где каждый идет своим путем. Проезжай мимо! - воскликнул один из нападавших, и слог его подходил больше для рыцаря, чем для разбойника с тракта.

- Воистину так, - сказал я, - и мой путь привел меня сюда. Что за нужда у вас втроем бросаться на одного?

- Уйдешь ты?

- Нет - пока и вы не уйдете своим путем по большой дороге.

Видно, он - тот, что говорил, - был опытным бойцом. Он бросился ко мне, не произнеся больше ни слова и не пытаясь достать меня самого - он хотел перерубить ногу моему коню и лишить меня преимущества всадника над пешим. Но он не знал, конечно, что подо мной был обученный для боя северный конь, поднявшийся на дыбы, когда разбойник бросился к нему. Мне пришлось встать в стремях, а конь мой опустил копыта на голову и грудь нападавшего, втапывая его в тракт.

Но мне самому стоило бы тогда быть осторожней - другой разбойник успел глубоко всадить меч в бок моему коню. Тот горько, удивленно заржал и, еще пытаясь подняться на дыбы для удара по новому врагу, начал валиться, оседая на задние ноги...

Но не один я был неосторожен в этой драке. Третий разбойник, словно удивленный гибелью товарища, смотрел на то, что творилось на тракте, позабыв про юношу, стоявшего у дерева с мечом в руке. Вскрикнув, словно вкладывая в этот рывок последние силы, парень прыгнул вперед и коротко, но сильно, ударил отвернувшегося разбойника в спину. Тот сдавленно хакнул и повалился на землю.

Оставшийся - тот, что вонзил меч в бок моего коня, - бросился прочь, явно посчитав, что распределение сил не в его пользу.

...Больше всего мне не хотелось тогда, чтобы юноша, которого я нечаянно спас, скрылся сейчас, воспользовавшись внезапной свободой. Почему? Кто знает, чем, какими силами определяется тяга одного человека к другому.. Возникает ли она только после многого перенесенного вместе, или может рождаться вот так, сразу...

Он не убежал. Он подошел ко мне и помог выбраться из-под умирающего коня.

Конь мой тихо стонал, то и дело приподнимая от земли голову и снова роняя ее на дорогу. Мы молча стояли рядом с ним. Потом я присел у его головы, погладил морду. Он уже не пытался больше оторвать голову от земли.

- Он не будет жить, - негромко сказал юноша. - Прости, это из-за меня.

Я не ответил; потом поднялся и, став чуть в стороне, чтобы не быть залитым кровью, рассек ему вену на шее.

Конь вздрогнул и закрыл глаза.

- Прости меня, - снова сказал тот, кого я спас. - И спасибо тебе за помощь.

Я кивнул и отошел к обочине, вытер клинок Яррана о землю и траву, вложил в ножны. Юноша сделал то же со своим клинком, и мы оба вернулись на дорогу.

Было странно. Я не знал, кто он, и куда лежит его путь; он не знал моего пути. Что мы должны были тогда сделать? Разойтись в разные стороны, чтобы никогда более не встречаться? Я молчал, не зная, что сказать. Я был бы рад, если бы мы могли идти вместе, но как можно предложить это встреченному на дороге незнакомцу...

- Меня зовут Дэн, - вдруг сказал он, делая шаг ко мне и протягивая руку.

- Меня - Арадар, - я взял его руку в свою ладонь; мы смотрели друг другу в глаза, и вдруг оба улыбнулись.

Чему?

Не знаю.

Глава 2. Черный Шут

Солнце совсем уже подобралось к горизонту, и лес на противоположном берегу реки был уже в тени, только верхушки деревьев еще золотились в густом закатном свете. Я присел здесь, у воды, чтобы решить, что же мне делать, а вместо того предался воспоминаниям. Вспоминать Дэна было и хорошо, и печально. Хорошо - потому что мне было хорошо с ним, и печально - потому что не было его больше со мной...

...Тогда, на дороге, я спросил его, кому должно сообщать об убийстве в этой стране. Он удивился, и мне пришлось объяснить, что я издалека и не знаком с обычаями этих мест.

Дэн принялся рассказывать - подробно, словно мы не стояли посреди большой дороги. Я и сам догадывался, что достиг уже границ Страны Лета, но теперь понял, что драка случилась в самом ее сердце. Тракт, по которому следовал я на юг, в Лотабери, делил Летнюю Страну пополам: к западу лежали земли короля Этельберта, к востоку - земли короля Мелиаса.

- Большая дорога - она ничья, - сказал Дэн, - можно сообщить о трупах шерифу любого из королей: Этельберта или Мелиаса. Арадар...

- Что?

- Ты из-за меня ввязался в это дело... В Летней Стране дороги путаны можно, я провожу тебя до шерифа, чтобы тебе не пришлось плутать по лесным тропам? Я хорошо знаю эти места...

Мне показалось тогда, что он был рад появившемуся вдруг поводу идти вместе. Но мне слишком хотелось этого самому, чтобы поверить и просто согласиться.

- А ты сам? Ты ведь тоже куда-то шел, прежде чем столкнулся... с этими?

Он усмехнулся:

- Знаешь, Арадар, ты уже освободил меня от того пути, которым я шел... нет, бежал... Здесь три дня пешего пути на запад до ближайшего шерифа Этельберта, и полдня пути до одного из шерифов Мелиаса.

Я задумался, вспоминая подробности драки.

- Скажи, Дэн, те трое - это были просто разбойники?

Он помолчал.

- Нет. Люди короля Мелиаса... - он помолчал. - Но ты не думай, Арадар, я все равно могу проводить тебя к замку Лоэга, шерифа Мелиаса - это ближе, чем к любому из шерифов Этельберта. Эти люди... Мелиас не знал о них, шерифы тоже... Ты просто назовешь их разбойниками, и все.

- А ты?

- Ну, мне будет лучше все-таки подождать тебя за воротами замка, в лесу.

- Не боишься снова повстречать людей Мелиаса, о которых тот не знает сам?

Дэн пожал плечами.

- Какая разница...

Если первой моей ошибкой, совершенной во вред клану, было то, что я вообще ввязался в драку на большой дороге и в результате потерял коня, то теперь я совершал еще одну, вторую.

- Нет, Дэн, - сказал я. - Пойдем к шерифу Этельберта.

- Ну, ладно, как скажешь, - сразу согласился Дэн. И снова улыбнулся...

И мы отправились тогда на запад, бросив трупы на обочине тракта, закинув за спины снятые с мертвого коня вьючные сумки. И была ночь темная, звездная, тихая - мы долго сидели у костерка, то молча глядя в огонь, то разговаривая о чем-то.

Отсветы пламени плясали на лице Дэна, заостряя и без того тонкие, почти женственные черты, превращая в черные его карие глаза...

Потом мы шли еще один день, и к вечеру вышли на лесную дорогу, ведущую к замку местного шерифа. Дэн привел нас в какой-то постоялый двор, где мы провели ночь. А на следующий день, всего в нескольких часах ходьбы от замка шерифа, мы столкнулись на дороге с разбойниками - на сей раз настоящими.

Теперь, сидя на берегу реки, я подумал: не была ли это воля кого-то из богов - задержать меня на пути в Лотабери? Слишком много всего случилось тогда за малое время...

Разбойники были настоящими - трусливыми, нищими и голодными, наверняка из разорившихся крестьян, которым стало нечем платить за аренду земли и кормить жен и детей. Я вытащил из ножен Ярран, когда они высыпали из-за деревьев на дорогу впереди и позади нас, и, слыша, как лязгнул покидающий ножны меч Дэна, вставшего у меня за спиной, предложил им убраться. Убраться они не захотели.

Я пожал плечами: у них не было шансов.

Что может такой сброд, вооруженный копьём да двумя-тремя боевыми ножами, перекованными из плохих кос, против двух воинов, отлично владеющих мечами - особенно, если один из них - сын вождя клана, вооруженный звездной сталью и обученный многим тайнам древнего искусства боя? (Не знаю, почему я решил тогда, что и Дэн неплохо владеет мечом, но это действительно оказалось так.) Они могли бы только задавить нас, накинувшись всей толпой, но для этого нужна отчаянная смелость бросаться на обнаженный клинок в руках мастера, а такая смелость - отнюдь не крестьянское достоинство...

Они бежали почти сразу, через минуту или две, унося с собой своих раненых, а возможно, и мертвых товарищей.

Эту стычку можно было бы вспоминать потом просто как мелкую неприятность, если бы я снова не проявил неосторожность. Один из этой толпы успел-таки наотмашь ударить ножом, когда я посылал другого отдыхать ударом ноги в грудь (это совсем не рыцарский прием, но в таких вот драчках он бывает полезен).

Едва эта банда недоделанных разбойников скрылась из глаз, я уселся на землю прямо посреди дороги и осмотрел рану. Она была неопасной и не страшной, но глубокой - вся штанина уже намочила от крови. Дэн присел рядом на корточки, поморщился, взглянув на мое бедро.

- Ладно, - сказал он, - до замка недалеко осталось. Давай перевяжу.

- Сам, - сказал я, доставая из вьючной сумки, брошенной перед началом драки, чистую полосу льняной ткани, припасенную нарочно для этого дела.

- Идти сможешь? - спросил Дэн, когда я поднялся.

Я попробовал наступить на ногу, перевязанную прямо поверх штанины, и кивнул. Подобрал сумки, мы отправились к замку.

Сначала Дэн забрал у меня сумку, закинув ее за спину вместе со своей (вернее - тоже моей, но которую нес он).

Потом, когда мы поднялись с земли после очередной короткой передышки, и я позволил себе поморщиться и зашипеть сквозь зубы, он просто сказал "давай" и, взяв мою руку, закинул ее себе на плечо. Я не спорил: было уже ясно, что самому мне не дойти, а возражать просто так, для вида... Зачем?

К вечеру мы добрались-таки до замка шерифа; я к тому времени уже не ступал на раненую ногу, а почти волочил ее за собой по земле, повиснув на Дэне. Дэн и сам почти выбился из сил, но вдруг весело хмыкнул, останавливаясь за сотню шагов до ворот.

- Арт, - тогда он впервые назвал меня моим детским именем, которое я и сам еще не успел позабыть; не знаю, как он угадал его. - Арт, можно я назовусь твоим оруженосцем?

Я удивился.

- Зачем, Дэни?

Он весело и хитро глянул на меня снизу вверх - из-под моей руки, лежащей на его плечах:

- По тебе сразу видно, что ты знатный рыцарь, а я - так, бродяга. Здесь опасные места - такого, как я, могут и не впустить в замок... Это если я буду сам по себе, конечно.

И правда, мы с ним сильно разнились по внешнему виду: я - в зеленой сорочке тонкого льна, доброй кожаной куртке и легкой, безумно дорогой работы, кольчужной безрукавке под ней, в высоких мягких сапогах и с мечом в окованных серебром ножнах; и Дэн - в неопределенного цвета штанах и изрядно потертой куртке из некрашеной кожи. Единственное, что у нас было общего - это мечи у бедер, да волосы, обрезанные не выше плеч, как то полагается людям благородной крови; и то, у меня они были собраны в хвост, а у Дэна - свободно рассыпаны по плечам.

Я тоже улыбнулся.

- Ну, тогда пошли дальше, мой верный оруженосец.

С надвратной башни замка нас заметили издалека. Когда мы добрались до ворот, из бойницы уже высовывалась нечесаная бородатая голова стражника, наблюдавшего за нами.

- Кто такие? - крикнул он сверху.

Я собрался было назвать свое имя, забыв, что у меня появился оруженосец, но Дэн сделал шаг вперед (не выпуская моей руки, лежащей у него на плечах) и звонко сказал:

- Сэр Арадар из Каэр-на-Вран с оруженосцем, к сэру Эктору, шерифу короля Этельберта!

Голова стражника промычала что-то из бойницы и исчезла, и спустя минуту в замковых воротах отворилась низкая дверца.

- Входите, - раздался голос из-за ворот, и мы вошли.

...Шериф принял нас вполне достойно. Дэн начал говорить о лекаре еще в воротах, но я хотел сначала увидеть владельца замка. Нас провели к нему, и мы беседовали с четверть часа, пока Дэни, исправно игравший роль заботливого оруженосца, не напомнил нам обоим - мне и шерифу - о моей ране. Сэр Эктор сразу послал за лекарем и велел приготовить для нас покои.

"Покои" - это было, конечно, громко сказано. Замок был невелик, даже меньше нашего, оставленного мною по слову отца, и "покои" оказались маленькой комнаткой в одной из башен.

Для меня приготовили обширное ложе из шкур, застеленных чистой льняной простыней, а для моего оруженосца - набитый соломой тюфяк у изножия кровати.

Лекарь шерифа промыл мою рану и заново перетянул ее, наложив какую-то мазь и велел не вставать с кровати несколько дней. Помнится, я возмутился - мне нужно было спешить на юг, в Лотабери, - но вышло еще хуже, чем говорил лекарь...

В тот вечер ужин нам принесли: видимо, лекарь сказал шерифу, что лучше не беспокоить меня без нужды. Мы рано легли, и Дэн тогда весело ворчал, устраиваясь на своем брошенном на пол тюфяке.

На следующий день рана, казавшаяся такой безобидной, воспалилась, и мне невольно

пришлось следовать указанию лекаря не вставать. То ли сказался долгий вчерашний переход, то ли грязь попала в рану ("Нож разбойника - это вам не рыцарский клинок, чистый и смазанный свежим маслом", - сетовал лекарь); так или иначе, но больше недели пришлось мне провести в замке шерифа. Все это время Дэни был рядом со мной, и даже почти обиделся, когда на третий или четвертый день этого вынужденного отдыха я предложил ему не терять время и оставить меня. Он развлекал меня разговорами, и за эти дни я понемногу рассказал ему о своем путешествии, ничего не скрывая - да и не было в этой истории ничего такого, что стоило бы скрывать...

Когда мы покинули замок шерифа Эктора, шла уже вторая половина августа. В моих родных местах уже начиналась осень, здесь же еще стояло лето... По расчетам отца, я уже должен был достигнуть Лотабери...

Шериф отрядил вместе с нами полудюжину своих людей - проводить нас до большой дороги, а заодно заглянуть в известные места, где могло находиться разбойничье гнездо. Двигаясь верхом на одолженных в замке лошадях, мы вышли на тракт вечером того же дня, и воины Эктора оставили нас, уводя в поводу шерифовых лошадей.

Я думал о том, что теперь нам с Дэном придется, скорее всего, расстаться. Но очень не хотелось прощаться вот так, сразу, и, хотя было еще довольно светло, я предложил останавливаться на ночлег. Дэни сразу согласился; наверное, он думал о том же. Мы отыскали укромную полянку чуть в стороне от тракта (в стороне Этельберта) и расположились на ней, разведя огонь и бросив на землю подле него мой запасной теплый плащ, на котором мы спали в лесу со времени первой нашей встречи. Шериф от доброты душевной пополнил мои довольно скромные запасы свежими лепешками, мясом особого "сухого" копчения, которое готовили в его замке специально для дальних походов, и бурдюком пряного вина. С самого утра мы двигались почти без остановок, и сейчас с удовольствием принялись за ужин.

Уже начало темнеть, когда мы покончили с едой. Дэни улегся возле костра, заложив руки за голову и глядя на первые появляющиеся звезды. Я сидел рядом, слушая, как шуршат в зарослях какие-то ночные зверушки. Мы долго молчали.

- Что ты будешь делать теперь, Дэни? - спросил, наконец, я.

Он приподнялся с земли, оперся на локоть.

- Не знаю. Мне сейчас главное - не попасться снова людям Мелиаса.

Я снова - в который уже раз - не стал спрашивать, за что, за какую вину ищут его люди восточного короля.

- У тебя есть, где скрыться?

Он покачал головой:

- Нет. Придется уходить подальше от Мелиаса, а может и вообще убраться из Летней Страны...

Я подумал, что могу предложить ему отправиться вместе со мной - на юг, в Лотабери. Но я не знал, хочет ли и он того же, чего хочу я - идти вместе. И я боялся ошибиться...

Я боялся? Я, сын вождя, наследник клана на-Вран? Да, я боялся тогда...

Дэни вдруг засмеялся - негромко и необидно. Я посмотрел на него с удивлением.

- У вас на Севере все такие - много думают и мало говорят? У тебя все твои сомнения на лице написаны: ты думаешь, не позвать ли меня с собой. Неправда?

- Правда, - я почувствовал, что могу покраснеть, как девушка, которую родители впервые отпустили на праздник Середины Лета.

Дэни притворно вздохнул:

- Я невыгодный попутчик - у меня нет ни своей еды, ни денег...

- Ну, разве это главное? - сказал я...

...На следующий день мы вместе отправились по тракту на юг. Я рассчитывал купить пару плохоньких деревенских лошадок в ближайшем торговом поселке; пока же мы двигались пешком. По моим подсчетам, я уже тогда опаздывал на две-три недели...

...Беда случилась, когда мы подходили к южной границе Летней Страны, так и не встретив в этом диком краю места, где можно было бы не очень дорого купить лошадей. Мы остановились тогда на ночлег на склоне обращенного к тракту каменистого холма, заросшего соснами, и рассчитывали на следующий день уже выйти к переправе через Аверн, великую реку Юга...

Ночью к нашему огоньку вышел человек. Он был приземист и невысок, хотя и довольно широк в плечах. Капюшон поношенной черной хламиды почти скрывал его лицо, но когда свет костра осветил его, мне вдруг показалось это лицо знакомым.

Он назвался бродячим шутом и менестрелем, и попросился переночевать у нашего огня. Мы, конечно, позволили ему, и он долго развлекал нас веселыми историями из жизни местных баронов и солдатскими байками. Потом он достал из своей котомки большую кожаную флягу, и предложил нам выпить дорогого заморского вина, полученного им в награду за представление в каком-то замке. Мы согласились и сделали по глотку, пустив флягу по кругу...

Мне сложно точно вспомнить сейчас, как все было. Из темноты, из-за стволов деревьев, на которых плясали отсветы костра, вышли двое человек. Шут встал и приветствовал их.

Втроем они подняли на ноги Дэна - голова его упала на грудь, и волосы закрывали лицо, - и принялись вязать ему руки. Один отстегнул от его пояса меч.

"Нет, Дэни, нет!" - кричал я, но лишь глухое сдавленное мычание вырывалось сквозь стиснутые зубы. Я до боли напрягал мускулы, пытаясь порвать сеть колдовской дремы, и не мог шелохнуться, лишь пальцы скребли мох на холодном камне.

Они увели моего друга в ночь.

Остался лишь шут, и в свете костра мне казалось, что глаза его пышут огнем - как глаза Владыки Павших, когда тот вел Дикую Охоту над башнями нашего замка.

Он подошел к огню и распрямил спину - я вдруг увидел, что он высок ростом. Он отбросил капюшон - и снова лицо его показалось мне знакомым. Он усмехнулся - губами, глазами, каждой черточкой лица...

- Ведь говорили тебе: никому не верь на своем пути, сэр Арадар из Каэр-на-Вран, - сказал он.

И, рассмеявшись, он ушел в темноту - туда, куда увели Дэна...

...Солнце уже совсем село, и сумерки опустились на реку и лес. Тихо журчала вода у моих ног.

Где-то далеко робко и коротко запел первый ночной соловей.

Я бы заплакал сейчас, если бы отец мой научил меня этому. Но он, Утэр из Каэр-на-Вран, вождь клана Ворона, не плакал никогда. Даже когда умирала мать, даже когда погиб в последней войне с западными кланами его единственный за всю жизнь друг - Конал-с-Холмов.

И я лишь сильнее, до боли, стиснул обтянутую серебром рукоять Яррана, лежащего на моих коленях.

Глава 3. Совет Гюндебальда

В ту ночь чары черного шута продержали меня в неподвижности почти до утра. Вот об этом мне вспоминать не хотелось совсем...

...Тогда, едва освободившись от чар, я остановил на большой дороге первый встречный купеческий обоз. Это было не очень-то благородно, но я успокаиваю себя тем, что расплатился честно и с лихвой...

Я тогда просто встал посреди тракта и обнажил меч - древняя харалужная сталь багрово запламенела в рассветных лучах. Возница переднего фургона натянул вожжи, громко ругаясь; за

ним встал и второй фургон. Спрыгнули на землю двое не продравших с ночи глаза охранников, вылез сам торговец. Я потребовал лошадь.

Купец был немолод и, наверное, многое видел, странствуя по большим дорогам. Он глянул на меня молча и, кажется, понял, что я легко могу справиться с его охраной, предназначенной для защиты от дорожных разбойников, а не от воинов.

Впрочем, такие, как он, всегда держат где-нибудь наготове заряженный арбалет - а арбалетный болт с нескольких шагов прошил бы меня насквозь, не взирая даже на отличную кольчугу.

Я сказал, что заплачу вдвое.

Все-таки он решил не связываться, хотя запасная лошадь, шедшая под седлом на поводу за вторым фургоном, была, наверное, нужна и ему самому. Я сунул ему горсть монет, убрал Ярран в ножны, и поскакал по широкой лесной тропе в ту сторону, куда увели Дэна.

Результатом стала еще одна потерянная неделя и знакомство с одним из шерифов короля Мелиаса, стоившее мне неглубокой раны на левом предплечье...

...Отчаявшись, я вернулся к тракту, и сидел теперь на берегу одной из многочисленных речушек Летней Страны. Здесь было красиво - даже сейчас, когда солнце уже зашло...

Я так и не решил, что мне делать.

Наверное, следовало бы продолжить свой путь в Лотабери, чтобы вернуться в клан хотя бы в начале зимы. Но я не мог себе представить, как я покидаю пределы Страны Лета, оставляя позади все, что случилось, оставляя Дэна...

И вновь, в который уже раз за последний год, пришло ко мне то странное нетерпение тронуться в путь, в дорогу.

Куда?

Я чувствовал в этом нетерпении Силу - не ту яркую магическую силу, которой пользовался наш колдун Рату, разгоняя над полями несущие град облака, или изгоняя болезнь из тела мальчишки, провалившегося однажды зимой под лед, - нет, эта Сила тоже была волшебной, но совсем другой трепетной и чуть печальной, как ночная дорога, как ожидание друга или любимой...

Я не стал противиться ей, но поднялся в седло и выехал на тракт. Почему-то я отправился на север, пустив лошадь шагом и глядя, как поднимается из-за леса огромная полная луна... Дорога, уже залитая лунным светом, была пустынна; где-то позади, у реки, вовсю уже пели соловьи.

Я проехал совсем немного, когда заметил чуть в стороне от дороги огонь костерка, мелькающий меж стволов деревьев, и вспомнил советы Черного Рыцаря - или Черного Шута: я был уверен, что это один и тот же человек. "Большая Дорога - странная штука. Не отказывайся от того, что встретишь на ней"... Я встретил на Большой Дороге Дэна и не отказался...

Поравнявшись с костром, я спешил и, петляя меж деревьев и ведя лошадь в поводу, прошел к огню.

Путников у огня оказалось двое:

немолодой уже рыцарь с русыми волосами, завернувшийся в белый плащ, и мальчишка, сидевший на бревнышке, притянув ноги к подбородку и обхватив их руками, - наверняка оруженосец. Рядом на дереве висел щит - чисто белый, безо всяких изображений - а под ним стоял тяжелый шлем. Я вышел на свет, не зная еще, что скажу, и просто приветствовал их.

Мальчишка вскинул на меня глаза, а рыцарь поднялся с земли и, взглянув, шагнул мне навстречу.

- Добро и тебе, сэр рыцарь, - казалось, он совсем не был удивлен моим появлением. - Если ночь застала тебя на большой дороге, раздели с нами трапезу и ночлег.

Он приветливо улыбнулся, наклоняя голову в полупоклоне. Мне понравилось его лицо - открытое и сильное, с добрыми морщинками у глаз.

- Благодарю тебя, сэра рыцаря, - сказал я, отвечая на его поклон. Благодарю и с радостью принимаю твоё приглашение. Я - Арадар из Каэр-на-Вран.

- А моё имя - Риг из Лайосбери, хотя чаще меня называют Белым Рыцарем по цвету доспехов. Со мною - мой оруженосец, Арни, - мальчишка поднялся и поклонился вслед за своим господином.

Я бросил поводья на сук дерева, снял сумку и притороченный к седлу плащ, уселся, следуя приглашению, возле огня. Мальчишка принялся ломать свежий хлеб на расстеленный на земле плат, потом поднял с углей толстый прут с куском копченой грудинки, разрезал его на три части. Я тоже достал что-то из остатков своей провизии и положил на плат рядом с наломанным хлебешком.

Мы поели в молчании, которое не было скованным, как то бывает при встрече с незнакомцем, когда не знаешь, о чём говорить. Многие думают, что есть искусство беседы, и нет искусства молчания. Напрасно: молчать так, чтобы не повисало в воздухе напряжение и неловкость, бывает сложнее, чем болтать без умолку. У нас на Севере знатоки рун говорят: в работе Мастера пустые места всегда исполнены большего смысла, чем те, которых коснулась кисть...

Сэр Риг, Белый Рыцарь из Лайосбери, владел этим искусством в совершенстве: молчать вместе с ним было легко, как со старым другом.

Когда мы покончили с трапезой, сэра Риг спросил меня, куда я направляюсь.

- Я вижу в тебе чужестранца, добрый рыцарь, - сказал он, - быть может, мой совет поможет тебе сократить путь: я хорошо знаю эти места, коими странствую с тех пор, как сам был оруженосцем.

Вопрос его застал меня врасплох: я не знал, куда лежит мой путь, и сказал об этом. Белый Рыцарь кивнул, словно это было естественным для него - странствовать, не зная своей цели.

- У меня пропал друг, - сказал я и вдруг, неожиданно для себя самого, коротко поведал обо всем, что приключилось со мной этим летом - не только о Дэни и Черном Рыцаре, но и о мече и явлениях странного в землях нашего клана.

- Могу ли я просить у тебя позволения взглянуть на этот клинок? спросил Риг, молча выслушавший мой рассказ.

Я отстегнул ножны от пояса, обнажил Ярран и на двух ладонях протянул его рыцарю. Но тот не коснулся чужого клинка, лишь долго и пристально разглядывал древнюю сталь, возрожденную лучшим оружейником нашего клана.

- Благодарю тебя, сэра Арадар, - сказал он наконец, отводя взгляд от меча. - Это большое удовольствие - видеть клинок столь древний и благородный. И, поверь моему возрасту и опыту, колдун твоего отца был прав: с этим клинком благословение Отца Живых.

Я удивился, услышав столь редко произносимое имя Владыки Павших, но не подал виду и просто убрал Ярран в ножны.

Сэр Риг носком сапога придвинул к огню выкатившуюся из костра головешку и заговорил снова:

- И твой пропавший друг, когда говорил, что король Мелиас может не ведать о том, что делают его люди, тоже был прав. Знаешь ли ты, что Черный Рыцарь - сенешаль Мелиаса?

- Нет. Я впервые в Летней Стране и не знаю здесь ничего.

Белый Рыцарь кивнул.

- Логи из Свартбери - почти негласный король Восточных Земель и делает то, что считает нужным, не ставя Мелиаса в известность. Но зачем ему твой друг?..

Да, я тоже очень хотел бы тогда узнать это.

- Мы направляемся сейчас ко двору Этельберта, Короля Запада, - сказал рыцарь после паузы. Если есть на то твое желание, сэр Арадар, пойдем вместе с нами. Там, в Кэдбери, столице нашего короля, обретается Гюндебальд, великий маг. Быть может, он даст тебе совет.

Я задумался.

- Сэр Логи, Черный Рыцарь, при первой встрече тоже советовал мне посетить Гюндебальда, если я не смогу добраться до Бастиана Лотаберийского...

Сэр Риг взглянул на меня, но промолчал.

На следующее утро я отправился в Кэдбери ко двору Этельберта вместе с сэром Ригом и его оруженосцем. Быть может, мне просто ничего иного не оставалось в той ситуации, в которой я оказался, а быть может, меня поразило то, что два человека, столь разных, как Риг и Логи, не сговариваясь, дали мне один и тот же совет. Так или иначе, но по прошествии двух дней мы подъехали к воротам Кэдбери, города короля Этельберта.

Я и раньше знал, конечно, что здесь, на Юге, все не так, как у нас. На Севере все просто: вожди и их лорды живут в замках, крестьяне - в деревнях, горожане - в городах. А здесь, в Стране Лета, все перемешалось: в столице Этельберта жили сразу все. В центре города, на пологом холме, возвышался окруженный древними каменными стенами королевский замок. Вокруг замка, стиснутые городской оградой и рекой, располагались городские дома. А с внешней стороны лепились к ограде хижины крестьян, чьи поля и огороды тянулись от города до недалекого леса.

...Я понял, что ошибся, посчитав сэра Рига владельцем какого-нибудь маленького, затерянного в глуши поместья, едва мы въехали в город. Скромность его одежд и вооружения и почти неприличная бедность его оруженосца подсказали мне такой вывод при первом знакомстве; теперь же, глядя, как расступаются перед его конем люди на главной улице города, и встречные рыцари и верховые приветствуют его поклоном, я понял, что сэр Риг один из могущественнейших баронов королевства Этельберта.

Кэдбери, город Этельберта, был довольно велик; сэр Риг рассказывал мне о нем, пока добирались мы до его дома прямо у ворот королевского замка. Домочадцы, предупрежденные уже о возвращении хозяина, встречали нас у дверей. Сэр Риг приветствовал их, отвечая на поклоны управителя и его семьи; мы спешили, передав поводья слугам и вошли в дом...

...Сэр Риг привел меня в дом к Гюндебальду на второй день нашего пребывания в Кэдбери.

Гюндебальд оказался совсем не так стар, как я представлял себе великих магов, служащих королям. Нет, конечно, он был старше меня втрое, а то и вчетверо, но стариком отнюдь не выглядел. В темно-синих домашних одеждах, с густой седой шевелюрой и седой же коротко остриженной бородой, он казался скорее рыцарем на отдыхе, чем мудрецом, всю свою жизнь посвятившим изучению древних книг. И самое удивительное - я не смог тогда, при первой встрече, прочитать его по лицу. Лицо его казалось веселым (да и было таким), но где-то глубже таилась, мне кажется, печаль; однако и она не была еще дном его существа. Были у этого человека еще какие-то глубины души, которые так и не смог я прочитать с его лица...

Сэр Риг представил меня и просил старого мага помочь мне, если это окажется возможным; Гюндебальд кивнул, улыбаясь, с вежеством приветствовал меня легким поклоном. Потом перекинулись они несколькими фразами, помянув каких-то общих знакомых и события, мне неизвестные. А собираясь уже оставить нас наедине, сэр Риг вдруг долго посмотрел на меня и произнес, обращаясь к Гюндебальду, так, словно и не было меня в той зале:

- И снова прошу тебя, друг Гюндебальд:

помоги этому юноше. И скажи мне, прав ли я в отношении...

И Гюндебальд мягко кивнул, чуть прикрывая глаза:

- Ты прав, старый друг. Красный. И что будет... ведает Тот, Кто Ведет.

Я мало знал тогда обычаи Летней Страны, но уважение к старшим - закон не только на моей северной родине; и будь я даже не наследником клана, а... Я ничего не спросил у них, хотя речь явно шла обо мне.

И с тем сэр Риг оставил нас вдвоем, и я поведал Гюндебальду историю о своем мече из стали, капнувшей со звезд, и обо всем, что было связано с ним.

Гюндебальд помолчал, глядя на собственные руки, лежащие на темного дуба столе, потом поднял, наконец, взгляд на меня. Спросил:

- И какого совета хочешь ты от меня, благородный Арадар из Каэр-на-Вран?

Я удивился.

- Мой отец... - произнес я, но так и нес смог выговорить слово "боится". - Мой отец, вождь клана, не знает, что делать со всем этим...

- Были ли от "всего этого" беды вашему клану?

- Нет...

Гюндебальд пожал плечами.

- Это только твое дело, Арадар из Каэр-на-Вран. Твой клан и вождь твоего клана здесь не при чем. Им мой совет не нужен. Я спросил тебя какого совета просишь ты?..

Я снова удивился и долго молчал, не понимая, что хочет сказать седовласый маг.

- Отец твой был прав, отправив тебя в странствие, - продолжил Гюндебальд. - Меч принадлежит тебе, и ты должен понимать, что такие дары не даются Владыкой просто так. Чего Он ждет от тебя - этого не скажет тебе никто. Узнать это - вот настоящая цель твоего пути. Так что же ты хочешь спросить?

- Я не думал об этом так, как говоришь ты, господин мой Гюндебальд, сказал я, теряясь. - Я просто не знаю теперь, что делать.

- Делай, что должен, и будь, что будет, - ответил маг поговоркой древней, как северные горы. Из уст его эти простые слова прозвучали, как прорицание истины.

Я промолчал. Но Гюндебальд, кажется, понял невысказанный мною вопрос. Он посмотрел на меня, чуть улыбнувшись.

- У этой старой поговорки есть второй смысл, - сказал он. - На древних языках она звучала чуть иначе:

"следуй судьбе, и будь, что будет". А знаешь ли ты, благородный Арадар, как называли судьбу маги древности?

- Нет. Не знаю, господин мой Гюндебальд.

- Сила. Просто - Сила, сэр Арадар.

Говоря иначе - То, Что Ведет.

- Ты говоришь о силе Владыки Павших?

Гюндебальд пожал плечами:

- Трактуй, как хочешь. Мне кажется, ты уже познакомился с Силой, которая ведет.

Мы снова надолго замолчали.

- Так что же я могу передать своему отцу? - спросил, наконец, я.

- А ты отправишься из Кэдбери на Север, в Земли Кланов?

- Не знаю.

Гюндебальд улыбнулся.

- Мне кажется, Арадар, твоему отцу не дожидаться от тебя желаемого совета. Это не дело клана, и отец твой все равно не сможет здесь ничего предпринять. Я уже говорил тебе: это дело - твое.

- А что же делать мне?

- Уже ближе к настоящему вопросу, Арадар. Что делать тебе? Просто следуй Силе, раз уж оказался вовлеченным в ее Игру.

Я кивнул, думая о том, что бесполезно противиться воле богов.

- Но как? - спросил я старого мага.

Тот пожал плечами:

- Путь Силы - это путь, который можно видеть сердцем.

- Но как? - повторил я. - Как это сделать?

- А незачем что-то делать, Арадар.

Просто послушай свое сердце. И все.

- Так просто? - я совсем запутался и даже помотал головой, пытаюсь прогнать сумятицу мыслей.

- И что же? - спросил Гюндебальд. - Поедешь ли ты домой сейчас?

- Не знаю... Нет. Может быть, это и будет проступком против клана, но сердце мое сейчас не в горах Севера. Мой друг в беде.

- Так, - кивнул Гюндебальд. - Белый Рыцарь сказал мне об этом. Ты хочешь помочь своему другу, благородный Арадар?

- Да, господин мой Гюндебальд, - сказал я. - И я прошу у тебя совета, как мне сделать это...

...Старый маг снова пригласил меня к себе на следующий день. На сей раз я отправился к нему один, ведомый мальчишкой-посыльным, принесшим записку с приглашением. Гюндебальд ждал меня в той же зале, где мы говорили с ним при первой встрече.

Он приветствовал меня и усадил на лавку у окна; сам налил вина в два небольших серебряных кубка, и опустился в кресло напротив. Я молчал, ожидая когда он заговорит первым.

- Могу и порадовать тебя, и огорчить, благородный Арадар из Каэр-на-Вран, - сказал маг, отставляя свой кубок в сторону. - Я нашел твоего друга, используя свою магию, но нашел его далеко отсюда.

- Он жив? - спросил я.

- Да, - кивнул Гюндебальд. - Он жив и в полном порядке. Я не знаю, где держит его Черный Рыцарь, но так или иначе это связано с Потаенным Замком...

- Где это?

- Далеко. Можно сказать - у самой южной границы Страны Лета.

- Это земля Мелиаса или земля Этельберта?

- Ни то, ни другое. Потаенный Замок стоит на Ничейной Земле. На Большой Дороге... - как и Черный Рыцарь две недели тому назад, он произнес это так, словно говорил не о простом тракте. Не только о нем.

- Но ведь Замок принадлежит кому-то?

Гюндебальд пожал плечами.

- Вряд ли, сэр Арадар. На то это и Ничейные Земли.

Я задумался, а потом задал еще один вопрос:

- Но узнал ли ты, зачем Дэни нужен Черному Рыцарю?

Гюндебальд долго молчал, глядя куда-то за окно, и лишь спустя некое время ответил:

- Ты поймешь сам, когда придет тому время. Сейчас же, если хочешь отправиться на помощь своему другу, тебе следует снова идти на юг. Потаенный Замок стоит где-то там, где большая дорога подходит к великой реке Аверн. Говорят, что каждый ищущий его, находит Замок иным и в ином месте. Я сам отправляюсь в ту сторону послезавтра, и буду рад составить тебе компанию до переправы через Аск, северный приток Аверна. Кроме того, сегодня утром я говорил с сэром Ригом - король посылает его по своим делам в один из южных замков. Риг обещал встретить нас на тракте у переправы и проводить тебя на юг сколько сможет, но искать

Замок тебе придется самому: по-другому в него не войти.

- Но сэр Риг и без того много помог мне, - удивился я, - мне не хотелось бы утруждать его...

- Не думай об этом, - усмехнулся Гюндебальд. - Не тебе судить, что трудно, а что нет для Белого Рыцаря. У него свои счета с благородным Логи из Свартбери, и их счета куда крупнее, чем история с твоим другом... чем все дела Арадара из Каэр-на-Вран, только что вступившего на Большую Дорогу.

Я мало что понял из слов Гюндебальда, но склонил голову, соглашаясь с его правотой старшего.

Глава 4. Красный Рыцарь

Как и обещал Гюндебальд, мы покинули Кэбдери через день. Я вовсе не привык путешествовать в компании великих магов, и несколько опасался: более всего - того, что старику будет тяжело проводить в седле много времени каждый день, и это сильно задержит нас. Однако, если он и уставал, то не показывал виду, и почтенный его возраст никак не сказывался на количестве миль, покрываемых нами за день.

Он не был ни высокомерен, ни молчалив, и мы много беседовали с ним в те дни, что вместе провели на полу-пустынной большой дороге. Я больше слушал: мне почти нечего было рассказать ему; Гюндебальд же много говорил мне о Стране Лета, и о тех землях, что лежат к югу от великой реки, и о людях, живущих по обе стороны от большой дороги. Я спрашивал его о Потаенном Замке, пытаюсь узнать, как связан он с моим пропавшим другом и с самим Черным Рыцарем. Но каждый раз, когда я заикался о Замке, Гюндебальд умело уводил разговор в сторону.

Зато о Черном Рыцаре он рассказал мне многое, и я никак не мог понять его чувств к Логи из Свартбери.

Гюндебальд говорил о совершенных этим рыцарем злых делах - говорил с сожалением, но я не слышал в его голосе прямого осуждения. И нередко рассказ его оборачивался так, что нельзя было понять, чем же было совершенное этим рыцарем - настоящим злом или мрачной шуткой, закончившейся не так и печально...

...На привалах Гюндебальд движением руки воспламенял собранный мною хворост, избавляя нас от необходимости возиться с трутом и огнивом. Я первый раз видел такие чудеса - Рату, колдун моего отца, хотя и считался сильным, на такое был неспособен.

Однажды Гюндебальд, заметив мой интерес, кивнул мне, словно приглашая к расспросам. Я смутился, ибо не знал, что я могу спросить у него, и все же сказал:

- Как ты делаешь это, господин мой Гюндебальд?

- Хочешь научиться сам?

- Разве я смогу? - я удивился.

- Разумеется, нет, - отвечал Гюндебальд, - ты не сможешь сейчас. Но ведь все имеет свое начало, не так ли?

И он принялся объяснять мне, как Сила, уже знакомая мне, может быть трансформирована в магический жар, наливающий тело; и как собрать этот жар и даже извлекать его из себя.

Он заставил меня много упражняться в этом искусстве, и я понял, что оно не так уж сложно, но требует сосредоточенности и сильно выматывает. На следующий день, когда маг решил, вероятно, что я достаточно поднаторел в этом деле, он показал мне, как наполнять магическим жаром боевое оружие, делая его неуязвимым для магии и для стали...

А вечером следующего дня мы вышли к переправе через Аск. Вернее, мы не дошли до самой переправы около мили, лишь увидели с гребня холма, как тракт полого спускается в широкую долину, по которой, привольно извиваясь, течет Аск - река, за которой начинаются почти незаселенные земли между Страной Лета и Южными Странами. Здесь, на холме, встретил нас

сэр Риг со своим оруженосцем, и на прутьях над огнем их костра уже шипела, издавая восхитительный аромат, копченая грудинка.

На том же холме Гюндебалд покинул нас, и продолжил свой путь на юг уже в сопровождении Белого Рыцаря. Он ничего не говорил мне о своих делах в этом диком краю, и я не решался спросить у него, следует ли он какой-то своей цели, или действительно путешествует лишь с тем, чтобы проводить меня. Был сэр Риг неразговорчив, и даже казался мне печальным; большую часть времени мы ехали молча, и лишь иногда коротали время в беседах. На третий или четвертый день нашего пути, то ли заражаясь его настроением, то ли поддаваясь мрачности пустынных лесов, через которые вела нас большая дорога, я стал вдруг тревожиться и ждать беды.

Беда случилась, когда мы свернули с тракта на запад, - сэр Риг сказал, что мы достаточно удалились от границ Летней Страны и теперь путь в Ничейные Земли лежит в закатной стороне. Мы покинули тракт, и несколько часов уже двигались по едва приметной тропинке, когда лес расступился, открывая небольшую поляну.

Нас уже ждали. Благородный Логи из Свартбери стоял посреди поляны, облаченный в полный боевой доспех и покрытый черным плащом. Руки его в латных рукавицах лежали на рукояти воткнутого в землю меча. Рядом с Черным Рыцарем полукругом стояли его люди: оруженосцы и несколько рыцарей.

- Приветствие благородным путникам, - произнес Логи.

- Приветствие и тебе, - спокойно отвечал ему Риг. Я молчал.

Сэр Риг спешился и пошел к Черному Рыцарю. Словно окаменев, смотрел я на встречу двух воинов. Слова вызова прозвучали без угрозы, без неприязни, как ритуальные фразы:

- Тебе не пройти, Рыцарь Света.

- Тебе не сдержать меня, Рыцарь Тьмы.

Они готовились к бою так, как готовятся к священнодействию: спокойно, без спешки, с торжественностью на лицах. Мне вдруг показалось даже, что они похожи друг на друга...

Я тоже сошел с коня и, положив ладонь на рукоять меча, шагнул к Белому Рыцарю, Рыцарю Света.

- Сэр Риг, - сказал я. - Противников твоих много, а ты один. Позволь мне обнажить меч вместе с тобой.

Он покачал головой.

Тогда заговорил Логи:

- Уйди, сэр Арадар, Красный Рыцарь, это лишь наш бой - время твоей битвы придет, когда ты узнаешь твоего противника.

- Логи прав, - сказал Риг. - Твое время в этой Игре еще не пришло. Уйди прочь, сэр Арадар, Рыцарь Дороги.

Я сделал шаг назад.

- Тьма против Света, Дорога против Мертвой Головы! - воскликнул Логи, поднимая меч. - Во славу Владыки Павших!

- Во славу Отца Живых! - Риг назвал другое имя того же бога, освобождая свой клинок от ножен.

Я отступил еще на шаг, чувствуя, как наливается Силой пространство вокруг двух рыцарей, и только тут понял, что они наградили меня именем, и сделали это вместе. Красный Рыцарь, Рыцарь Дороги...

Первый удар стали о сталь звонким громом раздался над лесной поляной. Они дрались на равных, и я восхитился бы их искусству, если б не был так заворужен сражением.

Оно было недолгим. Я услышал, как рядом со мной судорожно втянул воздух оруженосец

Рига, когда меч Черного Рыцаря проломил шлем Рыцаря Света, и увидел, как оружие Рига перерубает ключицу Логи и наискось, от основания шеи, рассекает его грудь...

...И все стихло. Тишина пала такая, что я вдруг услышал, как звенит Сила, освобожденная смертью двух воинов.

Воздух словно загустел и давил на виски; это было почти... почти больно... Сила сковала меня, в струну вытянув каждый мускул, и я лишь молча наблюдал, как люди из свиты Логи уносят его мертвое тело...

Прошло какое-то время, и вдруг откуда-то извне поля моего зрения, скованного Силой, вышел мальчишка, оруженосец сэра Рига. Весь какой-то ломкий, с длинными светлыми волосами, в легкой, грубой работы кольчужке и с боевым ножом у бедра, он выглядел пародией на рыцаря. Но на лице у него было горе, и слезы дрожали в глазах, готовые пролиться от неосторожного движения головы...

С трудом раздвигая налитый Силой воздух, я сделал шаг и повернулся к нему.

Мальчишка подошел ко мне, и вдруг упал на колени.

- Сэр Арадар... - он все-таки не сдержался, зажмурился на мгновение, и слезы выкатились из глаз, проложив две влажные дорожки по его щекам. - Сэр Риг... он... так хотел... Сэр Арадар из Каэр-на-Вран, я, Арни из Ховарда, прошу посвящения.

Я удивился бы, если бы звон Силы вокруг и внутри меня не заглушал бы все остальное. Мальчишка просил посвящения в рыцари - его учитель погиб только что, на наших глазах.

Я подумал, что не имею никакого права провести этот обряд - у нас, на Севере, все совсем иначе; я сам не был посвящен в рыцари по обычаям Летней Страны...

И вдруг я подумал, что Риг и Логи вместе нарекли меня Красным Рыцарем, Рыцарем Дороги... Я понял тогда: они знали, что погибнут оба...

"Обряд суть лишь внешнее отражение того, что происходит на самом деле", - вспомнил я вдруг слова колдуна Рату.

- Да, Арни, - сказал я мальчишке.

Я повернулся и медленно пошел, преодолевая напряжение Силы, к месту боя. Я нагнулся и взял из мертвых рук Рига его меч. Я вернулся назад.

Мальчишка по-прежнему стоял на коленях.

Я всмотрелся в его лицо: он был совсем молод, на несколько лет моложе Дэна, но та печаль и то благородство, что видел я на лице Рига, уже коснулись его.

- Арни-оруженосец, - сказал я, поднимая меч Рига над его головой, готов ли ты принять тяготы, что сулит рыцарский меч? - я импровизировал на ходу, не зная подробностей настоящего ритуала посвящения.

- Готов, - шепотом ответил мальчишка.

- Тогда, во имя Того, Кто Ведет, встань, сэр Арни из Ховарда... Белый Рыцарь.

И я коснулся мечом Рига его плеча. Арни вздрогнул, и я сам почувствовал, как по клинку стекает в мальчишку разлитая в воздухе Сила.

Звон прекратился. Сила ушла.

...Новый Белый Рыцарь поднялся на ноги, пошатнулся на миг, выпрямился, взглянул мне в глаза.

Коротким движением я перебросил меч Рига так, что клинок оказался лежащим на двух моих ладонях. Я протянул его мальчику. Нет, не мальчику Рыцарю Света.

Он принял меч двумя руками, поцеловал клинок и поклонился мне, коснувшись руками с мечом земли...

Он ушел в лес по дороге, которой пришел вместе с Ригом; ушел, не обернувшись - быть может, боялся расплакаться, быть может - потерять решимость.

...А потом мне показалось, что мир поворачивается, что самое время ломается, рвется пополам, обращаясь в собственное отражение, и Сила вновь наполняет пространство - Сила, отраженная в себе самой. Из-за деревьев с противоположного конца поляны вышел другой мальчишка - с черными, как смоль, волосами, в черных сапогах, штанах и куртке. На вытянутых руках он нес перед собой меч. Я замер.

И словно отражение Арни, он опустился передо мной на колени. Я вздрогнул: злая усмешка была на его лице. Он смеялся - надо мной, над слезами Арни, над рыцарями, что только что покинули этот мир... Я зарубил бы его, не задумываясь о том, что передо мною ребенок, если бы наследственный дар читать людей по их лицам не сказал бы мне: прежде всего он смеется над самим собой. И как слезы на лице Арни, усмешка на лице этого оруженосца была таким же выражением его силы... и его слабости.

- Я, Ульв из Малсбери, оруженосец сэра Логи, Черного Рыцаря, прошу посвящения у тебя, сэр Арадар из Каэр-на-Вран.

Я подумал, что это справедливо. Они вместе - Рыцарь Света и Рыцарь Тьмы - дали мне имя, и их ученики вместе вступят в Игру, посвященные одним и тем же человеком. Рыцарем Дороги...

Я принял меч из рук Ульва.

Я сказал нужные слова и посвятил его в рыцари именем Того, Кто Ведет. Трижды - на разный лад - звучало сегодня имя этого бога. Владыка Павших. Отец Живых. Тот, Кто Ведет.

Но я знал, что у этого бога есть еще и четвертое имя...

...Новый Черный Рыцарь, Рыцарь Тьмы поднялся на ноги, поклонился до земли, принимая меч Логи. Потом повернулся и зашагал прочь.

Я остался один.

Сколь же печальным показалось мне тогда самое мое странствие, приведшее меня на эту поляну тягостного одиночества и послужившее причиной гибели двух благородных рыцарей.

Теперь, когда уже закончился их бой и их путь на этой земле, яснее виделись мне и искреннее добросердие сэра Рига, и непреклонная устремленность сэра Логи, достойная рыцаря и сенешаля. И пусть неведомо было мне, что же вело их в пути, печаль наполняла мою грудь при мысли о том, что именно из-за меня сложили головы два мужественных воина.

Подумалось мне и о том, что некому теперь указать мне путь в Ничейные Земли. Что-то сейчас с Дэни, первым и единственным моим другом, встреченным на большой дороге и там же потерянным, подумалось мне...

И, измучившись печалью и тревогой и не зная, что делать, уже собрался я опуститься на большой валун и обхватить голову руками, как кто-то негромко позвал меня со стороны леса, в котором скрылся сэр Ульв, Черный Рыцарь. И я обернулся, уже узнавая голос и боясь ошибиться.

Я не ошибся.

У деревьев стоял Дэн.

Глава 5. Страшная Часовня

Никогда раньше не думал я, что могу радоваться так сильно. Быть может, очень уж печально было мне только что, а может, и правда не бывало у меня раньше поводов для такой радости. Мой первый бой? Это был восторг, но не радость. Первая ночь праздника Середины Лета? Я малодушно бежал тогда из рассыпавшегося хоровода, не отвечая на взгляды девушек и опасаясь, что они видят во мне не просто Арадара - вчерашнего Арта, - а наследника Каэр-на-Вран. Находка Яррана? Нет, это тоже было что-то совсем другое...

Мы с Дэном молча пошли друг навстречу другу и так же, ни слова ни говоря, обнялись. Для меня это было признанием дружбы - я никогда раньше не позволял себе таких объятий.

- Ты искал меня, Арт? - спросил Дэни, когда мы наконец разжали руки.

- Да,.. братишка, - я сказал это с улыбкой - так, что можно было обернуть слова шуткой.

Но Дэн посмотрел серьезно.

- Спасибо, брат.

Я вздохнул. Мне стало тепло и спокойно - просто хорошо.

- А как же твой меч... твой клан?

- Спроси об этом у Гюндебальда, - я усмехнулся и пожал плечами одновременно. - А ты?

Что было, Дэни?

- Я... не знаю. Я сам не понял, Арт.

- Как это? Тогда, ночью, шут в черном...

Это был Логи?

- Да. Но я совсем ничего не понял. Его люди сами отпустили меня, когда с поляны принесли его тело. Это ты дрался с ним?

- Нет. С ним дрался сэр Риг, Белый Рыцарь...

- И?..

- Он тоже мертв. Оруженосец... Сэр Арни, Белый Рыцарь, увез его тело.

Дэн отвел взгляд.

- Я много слышал о Риге... доброго...

Мы помолчали несколько мгновений, потом Дэн снова сказал:

- Я правда не знаю, Арт, почему люди Логи отпустили меня.

- А почему охотились за тобой? Это не тайна?

- Да нет, конечно. - Дэн улыбнулся. - Я часто брожу по Стране Лета менестрелем, и вот забрел недавно в замок друга Логи, одного из вассалов Мелиаса. А у хозяина замка оказалась молоденькая дочка, такая симпатичная и... горячая. Ну, и вот...

- И это все? - я рассмеялся. - Знаешь, Дэн, я уж думал, у тебя там какая-нибудь жуткая темная история...

Он махнул рукой:

- Да какая история... Даже лютню забрать не успел.

Мы посмеялись и опять помолчали, снова вспомнив погибших.

- Что ты будешь делать теперь, брат? - спросил меня Дэн.

Я задумался. Отец, нужды клана отошли для меня на задний план, пока я спешил на помощь своему другу. Что я буду теперь делать? Продолжать путь на юг в поисках Бастиана Лотаберийского? Но Гюндебальд уже дал мне совет, пусть и не тот, который хотел бы слышать отец...

- Я иду на закат, Дэни, - неожиданно для себя самого сказал я. - Там Ничейные Земли, там - Потаенный Замок.

Белый Рыцарь вел меня этим путем, и погиб, чтобы освободить мне дорогу. Черный Рыцарь погиб, чтобы задержать меня. Я не могу отказаться от этого пути. От Дороги... - я впервые произнес это слово вот так, с таинственным смыслом, как звучало оно в устах погибших воинов.

- А меня ты возьмешь с собой?

Я улыбнулся:

- Ну, если ты не собираешься прямо сейчас отправиться за своей лютней...

Мы покинули поляну сражения и - вдвоем на одном коне - отправились дальше по лесной тропе, уводящей на запад. Тот день - такой печальный и такой радостный - близился к уже вечеру, и мы остановились на отдых у первого же встреченного нами ручья. И мы долго не спали той теплой и звездной ночью, разговаривая при свете костра, и к тому времени, когда небо на востоке начало светлеть, уничтожили весь невеликий запас вина, что был у меня с собой.

День, наступивший вслед за той ночью, оказался тяжелым. Двигаться верхом дальше по тропе оказалось невозможным, и мы пробирались на запад, обходя вековые деревья и огромные

камни и ведя коня в поводу. Полдень застал нас на каменистых увалах, заросших все тем же дремучим лесом. Здесь запросто можно было поломать ноги - там, где деревья уступали место обнаженным скалистым склонам и осыпям щебня. В добавок к этому среди камней и деревьев мы потеряли тропу, и шли теперь наугад, выбирая направление лишь по солнцу. К ночи мы выбились из сил и, едва поужинав, улеглись спать, чтобы наутро продолжить путь на запад.

Следующий день оказался еще труднее, чем предыдущий. И дело было не только в каменных завалах, буреломах и непролазных ельниках. Мы шли без дороги и цели, руководствуясь лишь последним указанием Белого Рыцаря - "на Запад!" Мы не знали, сколько продлится наш путь, не представляли себе, куда он должен привести, и именно это, пожалуй, было самым тяжелым. Мы мало беседовали на ходу, но и на коротких привалах Дэн не спрашивал меня о том, как я надеюсь отыскать Замок; но из его замечаний я понял, что он знает легенды о нем и, быть может, больше меня слышал о Ничейной Земле, куда должен был привести нас путь на Запад.

Еще одну ночь провели мы на увалах, среди елей и скал. Еды, заботами Рига и Гюндебальда, у нас хватало, и потому пока можно было не думать об охоте, которая задержала бы нас в пути. Той ночью, когда мы жевали разогретое на огне копченое мясо, Дэн пытался сообразить, придется ли нам переправляться через Аверн.

Из рассуждений его выходило, что мы должны подойти к великой реке Юга в один из ближайших дней, и он оказался прав.

Мы вышли к Аверну на утро четвертого дня со времени поединка в лесу. Величественно, словно в сознании собственной мощи, он влачил свои серые воды по древнему каменному ложу. Небо сплошь было затянуто облачной пеленой в то утро, и над Аверном висел редкий туман, казавшийся опустившимися к самой воде облаками. И не было видно другого берега, лишь черной громадой проступал сквозь туман высокий скалистый остров в полумиле от нашего берега. И показалось мне, будто доносится с острова глухой волчий вой...

А невдалеке от того места, где мы вышли на берег, увидели мы одинокое поместье или, скорее, невысокий замок, стоявший на каменистом взгорке у самого берега. Туда и направились мы с Дэном, рассчитывая расспросить хозяев о тех местах, куда привела нас дорога, и, быть может, пополнить наши припасы. Здесь тянулась вдоль берега приличная тропа, и можно было бы подняться в седло, однако конь наш так изранил ноги в последние дни, что было бы жестокостью заставлять его нести седока, а тем более - двух.

Было пустынно вокруг. Уж было усомнились мы и в том, обитаем ли замок, выстроенный в самом сердце этого дикого края, когда ворота его медленно раскрылись, и некая женщина в тяжелых одеждах благородного сословия вышла нам навстречу в сопровождении нескольких слуг. Мы не могли еще разглядеть ее лица, но было видно, как она в волнении стискивает руки, ожидая, когда мы подойдем.

- Приветствую вас, благородные рыцари, и молю: не пройдите мимо стен этого скромного замка, - воскликнула она, когда мы, наконец, приблизились. - Я - леди Элейна, хозяйка этих земель.

Она была очень немолода, и старость уже коснулась ее лица и ее волос, среди которых уже вились серебряные нити, но спокойная благородная красота еще не покинула ее. Мы остановились, не доходя нескольких шагов до ворот, и Дэни, снова принимая свою роль оруженосца, выступил вперед и сказал свое слово:

- Благородный сэр Арадар из Каэр-на-Вран и Дэннар из Брэгсхолла, его оруженосец.

- Рады приветствовать тебя, госпожа, - сказал я, подумав о том, что только сейчас впервые услышал полное - с названием родового владения - имя Дэна, подтверждавшее его право носить меч.

- Молю вас, господа, будьте гостями в моем доме, - повторила леди Элейна, - и я всю жизнь буду молить богов, чтобы они послали вам удачу.

Я сказал, что мы будем рады принять ее гостеприимство. Леди Элейна через ворота провела нас во внутренний двор замка - маленький, не более десятка ярдов в поперечнике - а оттуда в холл, где под темным, перекрытым дубовыми бревнами, потолком стоял длинный стол, уже накрытый свежей скатертью. Несколько слуг суетились, расставляя на столе серебряные блюда с хлебом и мясом, оплетенные лозой бутыли с винами.

Хозяйка замка потчевала нас, не задавая вопросов, и не объясняя своего волнения. Сама же леди Элейна так и ене притронулась к еде за все время трапезы, лишь несколько раз смочила губы вином из маленького стоявшего перед ней кубка. Лицо ее оставалось печальным и даже скорбным; она сидела, гордо выпрямившись и глубоко задумавшись о чем-то своем, и у меня не хватало духу перебить ее задумчивость каким-либо вопросом.

Но вот мы с Дэном покончили с мясом; слуги убрали блюда и подлили вина в наши кубки. Я поблагодарил хозяйку за обед, и оишь тогда она оторвалась, наконец, от своих мыслей. Леди кивнула.

- Господа, - промолвила она, положив обе руки на стол, - Господа, я прошу вас подняться со мною в башню, - она поднялась из-за стола, и мы с Дэном поспешили подняться вслед за ней.

- С удовольствием, госпожа, - ответил я, перешагивая через лавку, на которой только что сидел.

Леди мягко покачала головой:

- Нет, сэра Арадар, вряд ли это доставит вам удовольствие. И тем не менее...

Она быстро пошла к винтовой лестнице, скрывавшейся в полутемном углу залы, и мы с Дэном, недоумевая, последовали за ней.

Башня бала миниатюрной, как и весь замок; лишь на два этажа возвышалась она над сводами трапезной залы.

Мы миновали нечто среднее между кабинетом, библиотекой и охотничьей комнатой и, поднявшись на самый верх, оказались в покоях, явно жилых.

Эта комната вдруг напомнила мне мое собственное детское обиталище в родном замке, в Каэр-на-Вран.

Короткий и легкий меч на стене, наверняка рассчитанный на невысокого подростка, разбросанные на лавке вещи, раскрытая книга на столике у высокого стрельчатого окна... Комната была светлой, и здесь явно витал дух детства, готовящегося превратиться в юность... и висел тяжелый, почти смрадный запах, не уносимый даже в незабранные слюдой окна...

- Господа... - очень тихо сказала леди Элейна.

Я обернулся на звук ее голоса, и увидел то, что не заметил сразу: альков в дальнем конце комнаты, и в нем - ложе, застеленное небеленым, но чистым льном.

- Подойдите, прошу вас.

Мне стало... нехорошо. Я взглянул на Дэна и понял, что ему тоже не по себе. Вместе мы сделали несколько шагов и подошли к ложу, у которого стояла хозяйка замка.

Там, укрытый до пояса простынями, лежал мальчик лет четырнадцати или чуть моложе. Грудь его была обнажена, и в ней зияла раскрытая рана; края ее разошлись, и можно было вложить внутрь палец или даже два. Рана была явно колотая, но тот, кто нанес этот удар, похоже, еще и провернул клинок в груди мальчишки. Но самое страшное было другое - я видел, как выживают люди и с более опасными ранениями, - страшно было то, что эта рана гнила, как гниет мертвое мясо... Однако мальчик был жив: голова его откинулась, подбородок остро торчал вверх, а из почерневших растрескавшихся губ вырывалось дыхание.

Дэни отступил на шаг; я готов был сделать то же, но сдержался.

- Это мой сын, - сказала леди Элейна.

Я проглотил собравшийся в горле комок.

- Почему вы не промыли рану и не стянули ее края? - спросил я. - Его можно спасти и сейчас, если промыть рану крепким вином и наложить повязку с каким-нибудь бальзамом, который вытянет гной и гниль. Я знаю такие травы, леди Элейна... - я понимал, что вру ей, говоря, что мальчик может выжить. Было странно - и страшно, - что он жив сейчас...

- Нет, - почти шепотом сказала леди. - Давайте спустимся вниз.

В молчании мы отошли от жуткого ложа и спустились вниз, в залу. Хозяйка присела у стола и пригласила присесть нас. Тут же подошли слуги, и она велела налить нам с Дэнном вина - и я был благодарен ей за это.

- Простите меня, благородные господа, что я заставила вас увидеть эту страшную рану, но вы - единственные, кто может сейчас помочь нам.

- Если это будет в наших силах, госпожа моя... - пробормотал я.

- Если это зрелище не лишю вас храбрости, вы будете в состоянии помочь. Но, господа, позвольте, я расскажу о том, что здесь произошло...

Она помолчала недолго и заговорила вновь:

- В наших землях появляется иногда некий рыцарь, про которого известно лишь, что он могущественный колдун, более того - некромант, владеющий силами смерти... Мы не видели его несколько лет, прежде чем он появился здесь снова... две недели тому назад... - она стиснула лежащие на столе руки, но тотчас овладела собой. - Две недели тому назад мы встретили его в сопровождении большой свиты на лесной тропе... Мы прогуливались верхом вместе с сыном и двумя слугами. Они остановили нас. Слуги не могли ничего сделать. Он не притронулся к нам, но издевался над памятью моего мужа, погибшего шесть лет тому назад. Мой сын обнажил меч, но рыцарь даже не стал с ним драться - просто ударил рукой по лицу, а потом - кинжалом в грудь... Потом они уехали, оставив нас.

Леди Элейна снова помолчала, словно заново переживая те события, и продолжила:

- Мы вернулись в замок. Рана казалась неопасной, но мальчик почти сразу впал в забытие и больше не приходил в себя. В каком состоянии рана, вы видели... Мы несколько дней пытались лечить его сами, но ничего не помогало. Я отправила работников на Лисий Холм, за Крэги, старой вещуньей, про которую говорят, что она знает языки птиц, зверей и камней... Крэги приезжала к нам; она осмотрела рану, дала для нее мазь, но сказала, что мальчик не сможет ни поправиться, ни умереть, а рана его будет оставаться открытой, - до тех пор, пока колдовское оружие, которым она была нанесена, остается у своего владельца...

- Вы хотите, чтобы я сразился с колдуном? - спросил я. - Но где мы сможем отыскать его?

- Нет, - хозяйка замка покачала головой.

- Не знаю, был ли то поединок, или иная смерть настигла злого рыцаря, но несколько дней назад мы видели, как его свита перевезла его мертвое тело через Аверн в Страшную Часовню на Ульврвэге. Ульврвэг - это тот остров, что вы могли видеть, подъезжая к замку.

...Ульврвэг, повторил я про себя.

"Волчья Дорога" - на языке Летней Страны и земель Юга...

- А вчера к нам приходила Крэги. Она сказала, что боги в видении открыли ей: кинжал, которым нанесен этот плачевный удар, - в Часовне...

- Надо забрать его оттуда, - сказал Дэн.

Элейна печально покачала головой.

- Это не просто сделать. Страшная Часовня - заколдованное место. Войти в нее можно лишь в полночь, когда раскрываются ее стены, и только рыцарь знатного рода может без вреда для себя вступить в нее. Говорят, его хранят предки, веками владевшие мечом и землей... Не знаю,

насколько это объяснение верно, но то, что в часовню может войти лишь рыцарь - правда. Иначе я сама отправилась бы туда...

- Госпожа... - начал было я, но она перебила меня, подняв руку.

- Господа, я призвала вас в свой дом, чтобы просить вас попытаться достать кинжал колдуна из Страшной Часовни. Но я не могу не предупредить вас, прежде чем вы примите решение: Часовня на Ульврвэг не зря носит свое имя. Многие храбрецы - рыцарского достоинства - входили под ее своды, прельщенные баснями о сокрытых там сокровищах. Господа, я хочу быть честной с вами: быть может, кто-нибудь и выходил из Страшной Часовни, но мне такие люди неизвестны, хотя я всю свою жизнь провела здесь, на берегах Аверна...

И еще одно. У меня нет ни богатых земель, ни золота, чтобы отблагодарить вас, если боги пошлют вам удачу. Но лошади, походные припасы, лодка и проводники, если нужно, - все, в чем вы можете нуждаться, будет в вашем распоряжении.

- Я попробую, госпожа моя Элейна, - отвечал я, склоняя голову.

Элейна кивнул и поблагодарив, оставила нас, попросив в ожидании ночи распоряжаться по нашему желанию всеми и всем, что есть в замке. Я же задумался - нет, не об опасностях, которые могут ожидать странника в Страшной Часовне, но - о пути к Потаенному Замку. Я не знал, приближает ли нас нему эта поездка на Ульврвэг, что должна была состояться ночью, или удаляет от него. Я вообще не знал, куда нам двинуться дальше: Аверн здесь, у поместья Элейны, поворачивал на запад, и указание Рига теряло смысл можно было двигаться по любому из берегов реки... Потом я вдруг в который раз вспомнил слова Логи - "Большая Дорога - странное место; не отказывайся от того, что встретишь на ней", - и еще раз подумал, что решение отправиться на Ульврвэг было верным...

В это время меня отвлек шум отодвигаемой от стола лавки; я обернулся и увидел Дэна, идущего к выходу во внутренний двор замка.

- Дэни, - позвал я.

Но он не откликнулся.

- Дэн, что случилось? - он не остановился, и тогда я поднялся из-за стола и пошел вслед за ним.

Я догнал его уже во дворе - он стоял, прислонившись к стволу невысокого вяза.

- Что случилось, Дэни? - повторил я.

- Ничего.

- Пожалуйста, Дэни, не ври.

- Хорошо. Ты сказал Элейне "я попробую", Арадар. Я действительно не посвящен в рыцари, и я сам вызвался быть твоим оруженосцем и не отказываюсь, но... Мне кажется, ты называл меня братом.

Мне стало стыдно. И еще я испугался, могу потерять брата и друга.

- Дэни, прости меня... - я не нашел, что сказать еще, и просто тронул его за плечо.

- Мы пойдем вместе?

- Да. Конечно, брат.

Он вздохнул - с облегчением, как мне показалось, и посмотрел, наконец, на меня - еще с укоризной, но уже со всегдашней своей хитринкой.

- Не делай так больше, Арт. Хорошо? Ты забыл о своем путешествии ради того, чтобы спасти меня, и не говори так, как будто думаешь, что я на самом деле могу бросить тебя, когда становится опасно.

- Я никогда так не думал, Дэни.

Просто... Я - наследник клана на-Вран. И... у меня никогда раньше не было ни друга, ни брата.

- И некому было даже просто похлопать тебя по плечу? - Дэни чуть улыбнулся.

Я промолчал. Тогда он размахнулся и "хлопнул" меня так, что не будь я сильнее и выше его, то вполне мог бы отступить на пару шагов назад.

Мы засмеялись. А потом я сказал:

- И все же, брат, в Часовню я войду один: ты же сам говоришь, что не посвящен в рыцари. Но на Ульврвэг мы пойдем вместе. И вместе вернемся...

...Леди Элейна проводила нас на берег где-то за час до полуночи. Ее работники уже спустили на воду большую лодку с высоко задраным носом; лодка чуть покачивалась сейчас на мелкой волне, и отсветы фонаря, горевшего на нее носу, дрожали и колебались на темной воде.

Мы с Дэном прыгнули в лодку с большого валуна, у которого она стояла; нас попросили пройти в корму. Следом за нами спустились трое слуг - двое уселись на веслах, один встал в носу, взявшись за причальную цепь, и ожидал команды отчаливать. На мгновение леди устремила взгляд за наши спины, туда, где скрывался во тьме Ульврвэг, остров Волчьей Дороги, потом вернулась к нам.

- Что мы должны сделать с кинжалом, госпожа, если нам удастся его добыть? - спросил я.

- Бросьте его в Аверн. Текучая вода великой реки очистит все. Удачи вам всем!

Слуга на носу лодки понял ее пожелание как приказ отправляться, и вытянул цепь. Кто-то с берега подтолкнул нас; гребцы развернули лодку поперек течения и заработали веслами.

Было совсем тихо; только журчала вода под днищем и за кормой, да плескала иногда вода под резко опущенным веслом. Над Аверном снова висел туман, и свет фонаря на носу озарял лишь черную воду да белесую муть над нею. Туман, однако, был неплотен или, скорее, висел над водой тонким слоем, - я видел сквозь него расплывчатое пятно полной луны...

- Остров принадлежит вашей хозяйке? - спросил я у гребцов.

Те удивленно посмотрели на меня, не бросая грести; ближайший ко мне покачал головой.

- Да что вы, господин, кому он нужен?

Это ничья земля...

Ульврвэг возник перед нами внезапно, черной громадой выступив из сплошного тумана перед самым, как мне показалось, носом лодки. Сидящий на носу с фонарем скомандовал что-то гребцам, те развернули лодку наискось против течения и медленно стали подгребать к берегу острова.

Они высадили нас с Дэном на узкой полоске песка и камней, тянувшейся вдоль береговых скал; достали откуда-то второй фонарь и отдали нам, запалив свечу в нем от первого.

Ни один из них не решился коснуться ногой земли, но они обещали дожидаться нас "хоть до самого утра".

...Необходимость в онаре пропала, едва мы с Дэном поднялись по береговому обрыву футов на сорок: здесь, на высоте, совсем не было тумана, и огромная полная луна заливала скалы серебристым своим светом.

Часовню мы увидели сразу, как только поднялись на плато острова: она стояла не более, чем в полумиле от нас, и казалась Страшной даже издали. Часовня была сложена из огромных отесанных камней, и такими же камнями перекрыта; очевидная грубость постройки говорила о ее древности. Не говоря ни слова, мы отправились к ней.

- Арт, - сказал Дэни, когда мы остановились перед Часовней. - Давай все-таки войдем вместе.

Я не ответил: мне показалось в тот миг, что лунный свет растворяет стены Часовни, что древние камни тают в нем, как колотый лед в теплом вине...

- Арт... - снова позвал Дэн.

И вот огромные камни вновь затвердели, и сложенные из них стены вновь обрели

реальность... но в той из них, что была обращена к нам, появились ворота...

- Дэни, - тихонько позвал я. - Ты видишь вход?

Он помолчал несколько мгновений, и лишь потом ответил:

- Нет. А ты, Арт?

- Я вижу, Дэн. Я пойду... один. А ты жди меня, хорошо, братишка?

Он снова помолчал, прежде чем ответить.

- Да. Я буду ждать тебя, Арт... Удачи!

И я вошел в Страшную Часовню.

Оказалось вдруг, что если смотреть на ее стены изнутри, то можно видеть пробитые в них высокие окна. Лунный свет падал из окон на пол Часовни, и я увидел груды сокровищ, сваленные у стен: здесь были изукрашенные камнями драгоценные чаши, великолепные мечи, венцы из золота и серебра, россыпи монет... У меня и мысли не было взять что-то из этих богатств, и все же я сразу почувствовал: прикоснись я к ним, и Дэни никогда меня не дожидается, там, снаружи...

А среди всего этого на длинном отесанном камне лежало тело рыцаря. Я подошел ближе... и замер, пораженный увиденным.

Это был труп Логи из Свартбери, Черного Рыцаря.

Отрубленное вместе с частью горла плечо было кожаными ремнями притянуто к другой половине тела. Лоскут кольчуги, покрытый запекшейся кровью, отвалился в сторону вместе с кожаным подкольчужником, обнажая смертельную рану, нанесенную Белым Рыцарем...

Мертвые глаза его раскрылись, и они были чисты, без поволоки, как глаза живого человека. Он поднялся и сел на своем ложе.

- Я ждал тебя, сэр Арадар, - хрипло и очень медленно проговорил мертвец. - Тебе нужен мой кинжал?

- Да, - сказал я. Ничего более не смог я выдать из себя.

Мертвец улыбнулся.

Мертвец опустил полуотрубленную руку к бедру и вытащил кинжал из ножен у пояса.

- Возьми, - сказал он, подавая кинжал мне - рукоятью вперед.

Не чувствуя, как ступаю, я сделал несколько шагов вперед. Протянул руку навстречу руке мертвеца. Он наклонился ко мне и вложил рукоять кинжала мне в руку. Кажется, я вздрогнул.

- Ты свободен, - сказал Черный Рыцарь.

Не поворачиваясь, я шагнул назад, к проему в стене. Потом еще раз. Мертвец смотрел на меня, сохраняя на лице насмешливую улыбку. Мне показалось, что он чего-то ждет.

До свободы оставалось не более ярда. Я сделал еще один шаг, по прежнему не поворачиваясь к ложу спиной. И вдруг что-то - быть может, Сила? заставило меня задать ему вопрос.

- Зачем ты это сделал, Логи из Свартбери? Зачем ты заколол мальчишку?

Он вдруг засмеялся, почти беззвучно содрогаясь всем телом.

- Зачем? Зачем? Ты думал, Игра окончена, благородный сэр Арадар из Каэр-на-Вран? - он взглянул прямо мне в лицо, и мне показалось, что огонь очей Владыки Павших брызнул из глазниц мертвеца. - Я ударил мальчишку, чтобы у тебя, Рыцарь Дороги, был шанс прийти сюда и задать мне этот вопрос. Здесь на Ульвврвэге, начинаются Ничейные Земли... Ступай прочь!

Уже не думая более ни о чем, я развернулся и опрометью выскочил из Часовни в серебристый свет полной луны и пение цикад.

Дэни, мой друг и брат, бросился мне навстречу.

Глава 6. Ничейные Земли

По расщелине, выбитой в скальном обрыве едва заметным ручейком, мы спустились в

туман, к воде, и по свету оставшегося в лодке фонаря отыскивали людей Элейны.

Они повставали со своих мест, встречая нас. Не вступая в лодку, я показал им кинжал.

- Был ли кто-либо из вас с леди в тот день, когда рыцарь-колдун нанес рану мальчику? - спросил я.

- Я был, - отвечал один из них.

- Это тот кинжал?

Он нагнулся над бортом лодки, чтобы лучше рассмотреть оружие, но так и не решился выйти на берег.

- Да, сэр, это именно тот кинжал.

Благодарение богам...

Я размахнулся и изо всех сил швырнул кинжал в Аверн. Плеснула вода, принимая в себя колдовское оружие, и снова все стихло.

- Благодарение богам, - повторил слуга.

- Скажите леди Элейне, что чары уничтожены, - велел я слугам. - И передайте ей нашу благодарность за гостеприимство, и еще - пожелание мальчику быстрее поправиться и вырасти славным рыцарем.

- Но почему, сэр? - удивились люди Элейны. - Разве вы не скажете ей сами?

- Нет, - сказал я. - Мы остаемся на острове.

- Ты что, Арт? - тихо воскликнул Дэни. - Зачем? Что случилось?

- Я объясню тебе, Дэн. Только давай сначала отпустим слуг, чтобы они могли обрадовать свою госпожу.

- Ну... - Дэни пожал плечами, но спорить не стал.

- Но, господин, ведь это Ульврвэг...

здесь опасно даже днем... это же страшное место, сэр...

Я усмехнулся.

- Я уже прошел через Страшную Часовню.

Вряд ли здесь найдется что-нибудь еще более страшное. Отправляйтесь.

Они покачали головами, но не решились более спорить со мной и, оттолкнувшись от берега веслом, погребли к замку. Туман сразу же проглотил их, только фонарь на носу лодки виднелся сквозь туман как расплывчатое светлое пятно.

- В чем дело, Арт? - снова спросил Дэн.

- Дальше наш путь пройдет здесь, Дэни, на Ульврвэге, - сказал я.

- Как так? Арти, ведь в замке осталось все: и лошадь, и припасы...

- Наши мечи с нами, Дэн. А остальное...

Мне кажется почему-то, что больше нам не пригодятся ни лошадь, ни припасы. - Я действительно чувствовал, что путь в Потаенный Замок близится к завершению...

- И куда мы пойдём на острове?.. - снова спросил Дэн.

Я помолчал, глядя на темный, сокрытый туманом, Аверн. Лодка удалялась от берега, и искорка фонаря быстро таяла в ночи.

- Мы уже в Ничейных Землях, Дэни.

Я рассказал ему о том, что произошло в Часовне.

Мы провели ту ночь прямо на берегу реки, разложив на песке маленький костерок из того хвороста, что удалось собрать в расщелинах береговых скал. Подниматься во тьме на плато, где стояла Страшная Часовня не хотелось, и мы дождались восхода.

Поднявшееся солнце рассеяло ночную тьму, но не туман. Мне даже показалось, что он стал еще плотнее, когда мы начали подъем на плато. Мы не увидели Часовню, выйдя на каменистую крышу Ульврвэга: мы вообще ничего не увидели там, кроме белесого тумана вокруг и мелких

обломков серого камня под ногами. Даже солнышко лишь едва-едва пробивалось мгlistую серость, повисшую над островом...

...Вчера с северного берега Аверна остров выглядел совсем небольшим, теперь же показался огромным.

Прикинув, в какой стороне может находиться запад, мы почти на ощупь оправились в путь, и шли несколько часов, прежде чем встретили первое деревце, а еще через несколько минут - небольшой ручеек. Здесь остановились мы отдохнуть.

Мы уселись на огибаемый ручьем валун.

По-прежнему висел непроглядной мглой туман.

- Арти, - тихо сказал Дэн, - мне кажется, это уже не остров.

- Ничейные Земли... - проговорил я. - Да, Дэни, Ульврвэг - лишь начало дороги в Ничейных Землях. Мы уже покинули остров... Я не знаю, где мы сейчас. Но это - Дорога, Дэн.

Большая Дорога...

Было отчего-то очень печально. Дэн, кивнув, нагнулся и зачерпнул из ручья воды.

- Не пей! - воскликнул я неожиданно для самого себя и ударил его по руке. Вода расплескалась.

- Ты что, Арт? - Дэн удивился.

- Не пей, - повторил я. - Мне кажется, здесь нельзя ни пить, ни есть. Ничейные Земли...

- Земли Сумрака... - кивнул Дэн. - Да, Арт, я слышал такие легенды. Не думал, что когда-нибудь ступлю на эту равнину...

Мы продолжили путь, немного передохнув. Земли Сумрака оставались сокрыты туманом; иногда мы с Дэном брались за руки, чтобы не потеряться в этом молоке. Пропало солнце, и мы брели, не зная точного направления, и замечая ход времени лишь по усталости, которой наливались ноги. Я чувствовал нарастающую печаль и тревогу, подобную предчувствию опасности в бою.

Возможно, поэтому я не удивился, когда откуда-то из тумана донесся до нас отдаленный волчий вой.

- Нам предстоит драться, - сказал я.

Дэни кивнул. Мы остановились и обнажили мечи и кинжалы, встав спина к спине. Они напали внезапно, почти бесшумно вынырнув из тумана. Они не были волками.

- Гончие Владыки Павших! - воскликнул Дэн, перерубая плечо первому кинувшемуся с его стороны псу.

Они были белоснежны, и алые их уши стояли торчком. Глаза их горели, и клыки белели в волчьих оскалах пастей. И ни звука, лишь лязг собачьих челюстей и всхлипы крови в ранах, оставляемых сталью наших клинков...

Туман, казалось, звенел. Было видно, что нам не устоять. Я уже услышал раз, как вскрикнул у меня за спиной Дэн, но не обернулся, поняв, что он смог освободиться от хватки пса сам. Не прекращая работать клинком, я начал призывать Силу...

...И удивился, когда Сила пришла быстрее, чем обычно. Ее поток был так мощен, что я покачнулся, но сразу понял, в чем дело: Большая Дорога вела нас к обители Владыки Павших. Отца Живых. Того, Кто Ведет... Повелителя Силы - таково было четвертое имя этого бога...

Клинок Яррана полыхнул; вослед за ним запыхал сам воздух передо мной. Обожженные псы отпрянули от светящейся стены; молча, как и явились, скрылись в тумане. Мне подумалось, что им и не нужна была наша кровь - они лишь дожидались, пока мы покажем свое право на владение Силой...

И в тот же миг снова вскрикнул у меня за спиной Дэн. Но на этот раз он упал - тело его ударило меня по ногам.

Я тотчас же развернулся, заранее отводя меч для удара, но удара не потребовалось: мой взгляд отшвырнул в туман пса, стоявшего на груди Дэна и терзавшего его горло.

Я отбросил кинжал и вонзил Ярран в землю, опускаясь на колени перед Дэном. Он был жив, но жизнь вместе с кровью вытекала из широких ран на груди и разодранной шеи.

- Дэни... - тихо-тихо позвал я.

Я тронул его за плечо, вдруг потерявшись, забыв все, чему учили меня мастера клана.

- Дэни...

Он был без сознания. Тело его дернулось, и короткий вскрик вырвался из горла. Словно очнувшись, я скинул куртку и оторвал рукав от своей сорочки. Придерживая голову Дэна, я перетянул его рану на шее; зеленый лен тотчас пропитался кровью.

Дэн умирал: не нужно было быть целителем, чтобы видеть это. Кровь пошла у него горлом, и мне пришлось повернуть ему голову, чтобы он не захлебнулся.

- Дэни... - снова прошептал я, - Дэни, постой...

Я плакал, глядя, как умирает мой друг, - плакал первый раз с тех пор, как восемь лет назад отец вручил мне меч взрослого воина.

Горе, и тоска, и отчаянье мои были столь велики, что я не сразу заметил свет, разгоравшийся чуть стороне от нас. Когда же поднял к нему глаза, сияние было уже столь сильным, что, казалось, разгоняло туман. Потом я увидел, что это действительно так - туман рассеивался в той стороне, где рождался этот свет...

Не знаю, было ли это видение или что-то иное. Впрочем, это неважно сейчас, и уж тем более не было важным тогда, когда я стоял на коленях над телом Дэна...

Сэр Риг вышел из этого света, облаченный в белоснежные одежды. На нем не было доспехов, но рукоять долгого меча отсвечивала серебром у бедра. И ни следа не осталось от раны, нанесенной Черным Рыцарем.

Белый Рыцарь - точнее, его дух - подошел к нам, принеся с собой свежий, чуть терпкий запах полыни и моря и прохладу северного утра в горах...

- Приветствие Рыцарю Дороги, - сказал дух.

- Приветствие Рыцарю Света, - ответил я, продолжая сжимать плечи Дэна. - Помоги...

Он покачал головой.

- Нет, Арадар. Только ты сам. Большая Дорога бесконечна, но у каждого пути есть цель. Закончи свой путь - войди в Потаенный Замок.

- Мой друг умирает... - сказал я.

- Войди в Потаенный Замок, - повторил дух. - Яблони, что растут в саду Замка Чудес, приносят плоды, дающие бессмертие великим богам. Яблоко из Замка Чудес спасет твоего друга.

Я поднялся на ноги.

- Но... я не знаю пути, Белый Рыцарь. Я потерял Большую Дорогу...

- Нет Арадар, - снова сказал дух. - Помнишь, что говорил тебе Гюндебальд? Дорога там, где тебя ведет сердце. Дорога перед тобой, Красный Рыцарь.

Он повел рукой, и позади него из рассеивающегося тумана поднялись залитые солнцем стены и башни Замка.

Он был... прекрасен; мне показалось вдруг, что я чувствую запах соленого ветра с моря, и запах цветущих яблонь, и свежесть горного морозца...

- А Дэн... он сможет дождаться?.. - спросил я, не в силах оторвать взгляда от Замка Чудес.

- Здесь нет времени, Арадар. Ступай.

Дух исчез, как растворился в воздухе, прежде чем я успел поблагодарить его. Я снова опустился на колени рядом с Дэном, тронул его за плечо, убрал прядь волос, упавших ему на

глаза. Потом поднялся на ноги, выдернул из земли Ярран и зашагал к Замку.

Потаенный Замок выросал словно из-под земли. Четыре его башни, сложенные из белого камня, поднимались из стелющегося по земле тумана. Подойдя ближе, я увидел, что стены Замка вздымаются из вод озера, покоящегося в заросших камышом и ивами берегах. Узкий, как тропа, мост вел через озеро к воротам Замка.

Мост Предела, вспомнил я древние легенды. Мост, ведущий в Замок Богов, в обитель Владыки Павших...

Ворота были распахнуты, и когда я ступил на один конец моста, из Замка на другой его конец ступил человек в широком синем плаще. Мы пошли навстречу друг другу и я видел, что мост не пропустит двоих, что нам не разминуться на его узком лезвии...

Мы встретились на самой середине, и лишь тогда я узнал того, кто шел мне навстречу.

Это был Гюндебальд.

Глава 7. Потаенный Замок

Да, передо мною был Гюндебальд.

Он стоял, скрестив на груди руки, и на устах его играла едва заметная улыбка - я не понял, чего в ней было больше, беззлобной насмешки или одобрения.

- Приветствую тебя, Рыцарь Дороги, - сказал Гюндебальд, и я увидел огонь магии, мятущийся в его глазах. То был огонь, виденный мною прежде в глазах Владыки Павших, когда тот вел Дикую Охоту над башнями Каэр-на-Вран... и где-то еще...

Гюндебальд поднял взгляд, заставив меня смотреть ему прямо в глаза, и огонь этих глаз выжег меня изнутри. И тогда я вспомнил, где видел этот огонь - на первом своем посвящении в ночь Мертвой Головы, когда зажигаются светильники, вырезанные из пустых тыкв. Лицо со страшным оскалом - лицо Владыки - изображают эти светильники, и свет, льющийся из их глаздыр, выжигает все ненастоящее в сердцах мальчиков, становящихся мужчинами в эту ночь.

Владыка Силы - четвертое имя старшего из богов, и огненный взгляд Мертвой его Головы и есть самая Сила. Я вспомнил, как говорил сэр Логи перед поединком с Белым Рыцарем: "Тьма против Света, Дорога против Мертвой Головы"...

И тогда я вдруг понял, кто тот, что стоял передо мной. И я нашел четвертого участника этой Игры - своего настоящего противника.

И Гюндебальд увидел, что я понял.

- Тебе не пройти, Рыцарь Дороги.

- Тебе не сдержать меня, Рыцарь Мертвой Головы.

Он кивнул, признавая, что я прав в своем новом знании. Из складок плаща он выхватил меч, и то не было оружие воина - то было оружие мага. Ослепительный клинок был скован из двух частей - из Света и Тьмы, и обе кромки клинка, светлая и темная, были остры, как бритвенный нож.

Я поднял Ярран. Я знал, что при первом же касании меч магии разрежет плоть моего меча, как масло. И тогда я призвал Силу, и Сила пришла. Она заструилась вокруг меня, втекая в мой меч, и клинок зардел чистым алым светом, без единого оттенка багрянца или пурпура. Цветом Дороги...

Поединок не был долгим. Гюндебальд дрался страшно, уступая мне в быстроте и искусности, но беря свое ужасающей мощью ударов, наносимых магией: каждый раз, когда он опускал меч, мне казалось, что дрогнет сама земля или расколется небо. И все же я победил его.

Я не хотел убивать Гюндебальда, но чувствовал, знал - в Замок Чудес не пройти, не победив его Стража...

Гюндебальд упал на плиты Моста Предела, когда сияющий Силой клинок Яррана пронзил его грудь...

...Он умирал, и яростный огонь в его глазах обернулся вдруг... пониманием и... добротой... Взгляд его стал вдруг бездонен, и я увидел в нем любовь.

- Преемник... - прошептал он.

Я склонился к его лицу, чтобы не пропустить ни слова.

- Во имя Владыки Силы... - четвертое имя Бога со свистом вырвалось из его пробитых легких, - во имя Владыки Силы, войди в Замок Четырех Башен, сэр Арадар, Рыцарь Мертвой Головы... Тебе хранить Мост Предела, пока не придет новый Рыцарь Дороги... Тот, что сметет тебя со своего пути... Черпай Силу, наставляй меньших, слушай волю Владыки... Храни Мост...

Тело его соскользнуло с моста, словно освобождая мне дорогу в Замок, и медленно ушло в воду, словно растворяясь в темных глубинах озера. Я понял, что не испытываю сожаления, лишь печаль: я сделал то, что был должен, освобождая старого мага от служения, и он ушел так, как только и мог уйти.

Я поднял Ярран в прощальном приветствии; потом убрал меч в ножны и продолжил свой путь по Мосту Предела.

...Потаенный Замок встретил меня ощущением тайны - прекрасной и сокровенной тайны, готовой раскрыться.

Каждая из четырех его башен светилась собственным цветом, посылая в сияющее небо столб цветного огня. Стены Замка, которые снаружи казались сложенными из белого камня, изнутри оказались хрустальными, и играли отраженным огнем башен. Пятая - невысокая - башня или, точнее, огромный хрустальный с серебром престол возвышался в центре внутреннего двора Замка; здесь встречались, не смешиваясь, цвета угловых башен. Собственное - пятое - сияние окутывало вершину престола; я не осмелился сейчас взглянуть на то, что покоилось на престоле. Быть может, чаша - священная Чаша Силы из северных сказаний?..

Но тайны и чудеса это места были сейчас не для меня. Я знал: для них время еще придет...

Четыре яблони росли вокруг сияющего престола. Сухой и безлистой была одна из них, но в мертвенности ее ветвей угадывалось скрытое движение соков, обещающее грядущее пробуждение. Молодая листва зеленела на другой. Белой, чуть розоватой, пеной покрывали третью яблоню бесчисленные цветки. И ветви четвертого дерева, уже почти лишившегося листвы, сгибались под тяжестью золотых плодов...

Я приблизился к четвертому дереву и, поклонившись ему, двумя руками коснулся золотого яблока. Мне не пришлось его рвать: прекрасный, словно светящийся на солнце плод сам упал в мои ладони. Я подумал о Дэне, и тотчас оказался подле него.

Он был очень бледен и уже не хрипел; кровь пропитала каменистую землю под его шеей и у плечей. Я опустился на колени и, сжав волшебное яблоко в одной руке, ударил ею о раскрытую ладонь другой. Плод хрустнул, сминаясь у меня в кулаке; капли сока упали на раны...

...Солнце садилось, и Потаенный Замок таял в закатных его лучах.

- Дэни, - сказал я, - посмотри на закат.

Он повернулся и долго смотрел на заходящее солнце.

- Там что-то... Я не вижу, Арт.

Я смотрел на Замок, на четыре его башни, темнеющие на фоне огромного солнечного диска, наполовину уже ушедшего за край земли.

- Там... Замок, Арт?

Я кивнул.

- Да, Дэни.

- Арт, я... Я найду его.

- Да, - сказал я, - когда придет твое время, брат.

Эпилог

Алекс из Вэгдаллира, юный сын леди Элейны, встретил нас в лесу на тропе к их маленькому замку на Аверне. Не знаю, как он узнал о том, что мы возвращаемся, чтобы еще раз посетить леди Элейну. Быть может, Крэги, провидица с Лисьего Холма, предсказала им наш приход, а может быть сама Элейна почувствовала это, и отправила сына встречать нас.

- Приветствие благородным господам! - воскликнул он, спешиваясь, чтобы не возвышаться над нами, шедшими пешком. И сам смутился собственной смелости.

В нем трудно было узнать того полумертвого мальчишку с иссиня-бледным лицом и страшной раной в груди, которого видели мы в башне замка Элейны. И все-таки это был он - очень похожий на мать, улыбочивый, с простыми, но благородными чертами лица.

- Приветствие и тебе, - отвечал я. - Как твоя грудь?

- Все зажило. Мама рассказала мне, что это вы спасли меня, вынесли тот кинжал из Страшной Часовни. Вы ведь Арадар из Каэр-на-Вран и Дэннар из Брэгсхолла?

- Да, Алекс.

Он прижал к груди правую руку и низко поклонился.

- Спасибо вам.

Дэн вдруг рассмеялся:

- Если ты пригласишь нас провести надвигающуюся ночь в вашем гостеприимном замке, о благородный Алекс из Вэгдаллира, то сможешь считать, что оплатил нам добром за добро.

Мальчик вспыхнул, наверняка смутившись, что сам не догадался сразу пригласить нас.

- Конечно, пойдете к нам! - сказал он и вспомнил общую для всех земель формулу благодарности и приглашения: - Ворота нашего замка всегда открыты для вас.

Леди Элейна ждала нас у ворот в окружении своих людей; в холле замка ее слуги уже подавали вино и мясо...

Мы провели в гостях у Элейны и ее сына больше недели, отдыхая и развлекаясь охотой, музыкой и тренировками в вечном бое. Юный Алекс оказался неважным бойцом:

здесь, в этой глуши, после смерти отца некому было толково обучать его приемам этого благородного искусства. Но он был ловок и прилежен, так что можно было не сомневаться в том, что при наличии хорошего учителя он быстро сможет наверстать упущенное.

...Однажды, когда мы втроем отдыхали во внутреннем дворе замка после одного из таких боев, Алекс нечаянно проговорился о своем желании, которое, очевидно, скрывал с самого нашего появления здесь.

- Жаль, сэр Арадар, что у тебя уже есть оруженосец... - он смущенно замолчал, подумав, что допустил бестактность.

Дэн рассмеялся.

- Знаешь, Алекс, вообще-то говоря, я не совсем настоящий оруженосец благородного Арадара из Каэр-на-Вран. По крайней мере, я не давал ему присяги. Так что, если ты этого хочешь, можешь спросить у него...

- А... - Алекс смешно забыл закрыть рот, уставившись на нас с Дэном; мы снова рассмеялись.

- Ну же, - подбодрил мальчишку Дэн.

Тот медленно, словно бы не веря в происходящее, опустился передо мной на одно колено.

- Сэр Арадар из Каэр-на-Вран, я, Алекс из Вэгдаллира... прошу о чести быть... твоим оруженосцем...

- А что скажет об этом твоя мать? - спросил я. - Ведь если ты уедешь из Вэгдаллира, она останется совсем одна.

- Я не буду против, - сказала леди Элейна, подошедшая совсем незаметно. - Увы, уходить из дома, покидая родителей, - судьба мальчишек, становящихся мужчинами... Я не буду против,

Алекс.

- Мама... - пробормотал Алекс и снова повернулся ко мне.

- Я удовлетворяю твою просьбу, Алекс из Вэгдаллира.

Мальчишка дотянулся до своего меча, прислоненного к стене рядом с нами, перехватил его за гарду и протянул мне рукоятью вперед.

- Я клянусь верой и правдой служить тебе, господин мой Арадар. Отныне и до тех пор, пока смерть или твое слово не освободят меня от клятвы, или пока я не заслужу рыцарского звания, мой меч принадлежит тебе.

Я положил ладонь на рукоять его меча; потом убрал руку.

- Поднимись, Алекс из Вэгдаллира, и служи честно, не пятная своего и моего имени.

Он поднялся и отошел, взволнованный, к матери; та обняла его за плечи. И тогда случилось то, чего я боялся с тех пор, как увидел новую расстановку сил в Большой Игре - там, в Ничейных Землях, когда таял в закате Потаенный Замок.

Там, где только что стоял, преклонив колени, Алекс, опустился передо мной на колени Дэн. Он смотрел серьезно, и только где-то в глубине его глаз прятался смех.

- Сэр Арадар из Каэр-на-Вран, я, Дэннар из Брэгсхолла, прошу у тебя посвящения.

Я прикрыл на мгновение глаза. Да, все было правильно. Сила была здесь. Со мной... С нами...

- Да, Дэни.

Я обнажил Ярран и поднял его над головой своего единственного брата.

- Именем Владыки Силы я, Арадар из Каэр-на-Вран, Рыцарь Мертвой Головы, посвящаю тебя в рыцарское звание. Встань, сэр Дэннар из Брэгсхолла, Рыцарь Дороги...